M 79
524

79
11524

Вл: Жаботинскій

Бундъ и сіонизмъ

№ 22. ЦѢНА 12 КОП.

Книго-издательство „Кадима"
Одесса

М 29

Вл. Жаботинскій.

30

БУНДЪ и СІОНИЗМЪ

№ 22.

Книгоиздательство „КАДИМА"
ОДЕССА, 1906.

ОДЕССА.
Тип. Гальперина и Швейцера, Екатерининская, 36.
1906.

БУНДЪ И СІОНИЗМЪ.

Въ бундовской литературѣ отъ времени до времени проглядываетъ мнѣніе, что сіонизмъ и Бундъ рождены изъ одного и того же источника. Такъ, напримѣръ, въ оффиціальномъ отчетѣ о IV съѣздѣ Бунда имѣется такое мѣсто: «тѣ условія, которыя въ Россіи вызвали къ жизни сіонизмъ, создали различныя національныя соціалистическія партіи, должны были рано или поздно поставить на очередь и въ Бундѣ еврейскій національный вопросъ» *). Поставить же въ Бундѣ національный вопросъ—это и значило сдѣлать Бундъ Бундомъ, ибо только своеобразная позиція въ національномъ вопросѣ придаетъ Бунду его специфическую физіономію.

Къ этому бундовскому мнѣнію можно присоединиться только съ большими поправками. Конечно, между Бундомъ и сіонизмомъ есть несомнѣнная общность происхожденія; но врядъ-ли, на мой взглядъ, правильно сказать, что оба эти движенія вытекли изъ одного источника, словно бы это были два равныхъ и самостоятельныхъ русла. Я думаю, что родство между Бундомъ и сіонизмомъ надо формулировать иначе, и ставлю цѣлью моего очерка именно установить эту формулировку.

Здѣсь, поэтому, будетъ идти рѣчь о Бундѣ только въ его *національной* роли. Что касается до Бунда какъ организаціи соціалистической или революціонной, то эти стороны его дѣятельности мы можемъ оцѣнивать такъ или этакъ, высоко или низко, но не о нихъ у насъ сегодня рѣчь. Своеобразіе Бунда,—то, что выдѣляетъ его изъ общихъ рядовъ соціалъ-демократическаго лагеря,—это его національная позиція въ вопросахъ организаціи и программы. Я оставляю за собою право въ другомъ очеркѣ заняться разборомъ этой позиціи *по существу;* здѣсь я займусь только ея *исторіей*. Откуда она взялась? Какъ и почему эволюціонировала? Каковъ ея историческій смыслъ и чѣмъ суждено завершиться ея развитію?

---

*) Стр. 12.

I.

Мы начнемъ съ начала и прослѣдимъ зарожденіе того, что теперь называется Бундомъ.

За послѣднее время, когда въ пылу революціи вообще было сказано и сдѣлано много неумныхъ вещей, большое распространеніе въ обществѣ получилъ парадоксъ, будто во главѣ идейнаго развитія человѣчества шествуетъ не кто иной, какъ пролетаріатъ. Теперь, когда всѣ уже нѣсколько пришли въ себя, полезнымъ будетъ напомнить, что въ этомъ парадоксѣ нѣтъ ничего, кромѣ грубой лести. Пролетаріатъ объективно является носителемъ будущаго соціальнаго переворота; просвѣщеніе и организація, укрѣпляя его самосознаніе, дѣлаютъ изъ него постепенно и субъективнаго борца за новыя производственныя формы. Но пролетаріатъ никогда не шелъ, не могъ идти и еще долго не пойдетъ во главѣ идейнаго развитія человѣческаго общества. Не только для того, чтобы творить новыя идеи, но даже для того, чтобы воспринимать ихъ, нужна извѣстная степень культурности, которой у рабочаго люда не имѣется, потому что онъ занятъ физическимъ трудомъ и не можетъ посвящать много времени своему образованію; а культурность достигается только путемъ образованія и съ неба не падаетъ. Нашъ строй тѣмъ и плохъ, что въ немъ трудящійся обыкновенно осужденъ на невѣжество. Поэтому во главѣ идейнаго развитія идутъ болѣе состоятельные классы; пролетаріатъ идетъ позади, а пролетаріатъ отсталыхъ странъ даже въ самомъ хвостѣ. Это справедливо даже тогда, когда рѣчь идетъ о его собственныхъ классовыхъ интересахъ. Полнымъ выраженіемъ этихъ интересовъ является соціализмъ; однако тѣ, кто знакомъ съ исторіей соціалистическихъ ученій, должны знать, что первыми піонерами этой идеи были не только интеллигенты, но даже разные „сельскіе хозяева, фабриканты, раитье средней руки, мировые судьи, инженеры, офицеры", *) и *послѣднимъ* примкнулъ къ соціализму пролетаріатъ. Въ этомъ для пролетаріата нѣтъ ничего зазорнаго—это, наоборотъ, вполнѣ естественно для угнетеннаго и темнаго класса; но теперь царитъ такая путаница понятій, что самыя простыя вещи приходится повторять и доказывать

Та же послѣдовательность наблюдается и въ идейномъ развитіи россійскаго еврейства. Во главѣ этого развитія шли, конечно, не

*) Кудринъ, „Великій утопистъ". «Русск. Бог.» 1905, 1– 12.

еврейскіе рабочіе, а болѣе состоятельные слои, главнымъ образомъ интеллигенція и средняя буржуазія—то, что принято называть „обществомъ". И простыя справки изъ недавняго прошлаго ясно доказываютъ, что идейное развитіе еврейской рабочей массы, начавшееся гораздо позже, явилось не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ и повтореніемъ (конечно въ измѣненномъ обликѣ) идейной эволюціи еврейскаго „общества".

Пробужденіе этого «общества», т. е. пріобщеніе его къ европейской культурѣ, началось еще въ 40-выхъ годахъ XIX вѣка и приняло широкіе размѣры въ 60-тыхъ. Эта эпоха называется эпохой „гасколы". Такъ какъ европейскую культуру пришлось черпать изъ чужихъ источниковъ—сначала нѣмецкихъ, потомъ русскихъ,—то къ срединѣ 70-тыхъ годовъ „гаскола" начала понемногу вырождаться въ ассимиляцію; въ то же время среди другихъ элементовъ, ближе стоявшихъ къ народу, назрѣвалъ протестъ противъ ассимиляторскаго теченія. Погромы начала 80-тыхъ годовъ вызвали этотъ протестъ наружу, и съ той минуты дальнѣйшее идейное развитіе еврейскаго „общества" направилось уже только по національному руслу. Ассимиляція не прекратилась — напротивъ, количественно возросла, но ея представители уходили отъ своего народа, отдавали всѣ свои силы чужому лагерю и такимъ образомъ не участвовали во внутренней эволюціи еврейства и въ смѣнѣ его настроеній. Эволюція же эта, начиная съ 81-го года, совершалась и совершается исключительно въ плоскости національнаго самоопредѣленія, и смѣна теченій внутри еврейскаго „общества" за этотъ періодъ выражается въ характерныхъ этапахъ палестинскаго движенія, билуйства, ахадъ-гаамизма, духовнаго націонализма и сіонизма герцлевскаго типа.

Эволюція еврейскаго рабочаго движенія явилась въ общихъ чертахъ повтореніемъ эволюціи «общества». И здѣсь пробужденіе — начавшееся около 1885 года—принимаетъ на первыхъ порахъ ассимиляціонныя формы, какъ это констатируетъ, между прочимъ, опубликованный Бундомъ заграницей обширный докладъ подъ заглавіемъ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ", а также извѣстная легальная брошюра Акимова-Махновца. Даже пропаганда велась сначала на русскомъ языкѣ. Но уже къ концу 80-тыхъ годовъ замѣчаются первые признаки поворота въ сторону націонализаціи движенія. Между 88 и 93 наблюдается постепенный переходъ къ жаргону; въ 1894 году выходитъ брошюра „Объ агитаціи", которая окончательно санкціонируетъ и закрѣпляетъ этотъ

переходъ. Наконецъ, 2-го мая 1895 года въ собраніи агитаторовъ въ Вильнѣ была произнесена рѣчь, которая впослѣдствіи была издана подъ заглавіемъ „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія". Хотя оффиціальное учрежденіе Бунда состоялось только въ 1897 году, но по всей справедливости настоящій день рожденія этой партіи есть 2 е мая 1895 года, и рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ" представляетъ изъ себя поистинѣ учредительную грамату Бунда. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ исторіи послѣдняго рѣчь о „Поворотномъ пунктѣ" сыграла ту же роль, что «Judenstaat» Герцля въ исторіи сіонизма. И притомъ еще съ одной существенной разницей: брошюра Герцля въ значительной мѣрѣ потеряла теперь свое значеніе и врядъ-ли можетъ послужить для уясненія сіонизма въ его нынѣшней стадіи; между тѣмъ «Поворотный пунктъ» въ своей сжатой формѣ дѣйствительно заключаетъ всѣ основные элементы бундовской идеологіи—все то, во имя чего Бундъ возникъ, какъ національная партія, и чѣмъ онъ живетъ и понынѣ. Именно оттого дѣятели Бунда не любятъ вспоминать объ этой брошюрѣ, а когда заговариваютъ о ней, то съ длинными оправдательными комментаріями. И именно оттого я подробно остановлюсь на анализѣ этой брошюры. Онъ уяснитъ намъ, что за внутренніе мотивы и какія внѣшнія вліянія вызвали постепенную націонализацію еврейскаго рабочаго движенія и—какъ одинъ изъ характернѣйшихъ этаповъ этого процесса націонализаціи — породили Бундъ.

Основная мысль „Поворотнаго пункта"—критическая и вмѣстѣ съ тѣмъ положительная—изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

> Нашей буржуазной интеллигенціи и въ голову не приходитъ, что еврей только отъ собственной дѣятельности можетъ ожидать улучшенія своего положенія Еврейская буржуазія даже не поддерживаетъ энергично русскаго либеральнаго движенія. Много причинъ породили такой характеръ нашей буржуазіи — всѣ эти причины дѣлаютъ ее вполнѣ безполезной для еврейскаго рабочаго класса; болѣе того, взгляды этой буржуазной интеллигенціи сыграли прямо вредную роль въ нашемъ движеніи, которое въ первое время испытывало на себѣ вліяніе этой національной пассивности. Въ самомъ дѣлѣ, еврейская буржуазная интеллигенція ждетъ всего отъ русскаго царя и ничего отъ самодѣятельности еврейскаго народа; въ первые годы нашего движенія мы всего ожидали отъ движенія русскаго рабочаго класса и на самихъ себя смотрѣли только какъ на придатокъ къ обще-русскому рабочему движенію (стр. 17).

Вотъ почему мы должны рѣшительно признать, что наша цѣль, цѣль дѣйствующихъ въ еврейской средѣ соціалъ-демократовъ, состоитъ въ томъ, чтобы создать спеціально-еврейскую рабочую организацію, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобожденіе (стр. 19).

...Да, соціализмъ международенъ, и тотъ историческій процессъ, который создаетъ классовую борьбу въ современномъ обществѣ, ведетъ неизбѣжно къ уничтоженію національныхъ границъ и сліянію отдѣльныхъ народовъ воедино. Но вы согласитесь, конечно, что до тѣхъ поръ, пока существуютъ современныя общества, настоятельной задачей является завоеваніе каждой націей, если не политической самостоятельности, то во всякомъ случаѣ полной равноправности... Въ самомъ дѣлѣ, рабочій классъ, который мирится съ долей низшаго племени, такой рабочій классъ не возстанетъ и противъ доли низшаго класса. Поэтому національная пассивность еврейской массы является препятствіемъ и для возбужденія классоваго самосознанія; пробужденіе національнаго и классоваго самосознанія должно идти рука объ руку (стр. 20).

Такимъ образомъ, какъ третій результатъ нашего движенія, какъ третью теоретическую побѣду надъ вліяніемъ буржуазныхъ идей, мы должны поставить болѣе національный характеръ нашего движенія (стр. 21).

Такова основная мысль. Оригинальна ли она? Авторъ не питаетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Онъ не допускаетъ и мысли о малѣйшемъ внѣшнемъ вліяніи на ходъ его идей. Онъ глубоко вѣритъ, что его устами провозглашено нѣкое новое слово, подобнаго которому еще не раздавалась ни въ одномъ слоѣ еврейскаго народа. А „слово“ это заключается въ призывѣ къ національной самодѣятельности, къ освобожденію собственными національными силами. То-есть, выражаясь короче—Autoemancipation.

Еврейскому читателю это слово должно быть хорошо извѣстно: „Autoemancipation“ есть заглавіе брошюры доктора Пинскера, вышедшей въ 1882 году. И также должно быть извѣстно читателю, что эта брошюра оказала огромное вліяніе на современниковъ и положила начало палестинскому движенію. И если вы теперь на досугѣ перечитаете эту брошюру, то вы обнаружите, что всѣ мысли, провозглашенные въ „Поворотномъ пунктѣ“, были въ классической формѣ за 13 лѣтъ до того провозглашены родоначальникомъ первой стадіи сіонизма. Имъ исчерпывающе осуждена и заклеймена политика національной пассивности, вѣра въ спасеніе изъ чужихъ рукъ; имъ ярко и дѣйствительно—впервые брошенъ при-

зывъ къ національному самоосвобожденію. Противъ того, что брошюра Пинскера неизмѣримо выше «Поворотнаго пункта» по силѣ и вдохновенію, не станетъ, конечно, спорить ни одинъ человѣкъ, обладающій литературнымъ вкусомъ; по существу же разница только та, что предвозвѣстникъ Бунда скромно говоритъ о завоеваніи „*если не политической самостоятельности,* *) то во всякомъ случаѣ полной равноправности", между тѣмъ какъ предвозвѣстникъ сіонизма требуетъ активнаго творчества именно ради цѣльнаго идеала политической самостоятельнести. „Поворотный пунктъ" есть учредительный манифестъ Бунда, но „Поворотный пунктъ" есть блѣдный, на три пятилѣтія запоздалый и на девять десятыхъ урѣзанный въ размахѣ пересказъ первой декларацiи сіонизма.

Намъ совершенно незачѣмъ интересоваться вопросомъ, зналъ или не зналъ авторъ „Поворотнаго пункта" про то, что онъ повторяетъ Пинскера безъ указанія источника. Даже весьма вѣроятно, что у него это вышло совершенно безсознательно. Одна изъ особенностей исторической эволюціи человѣчества есть вообще та, что при распространеніи извѣстной идеи ея носители и глашатаи зачастую не сознаютъ ея преемственной связи съ лозунгами предшественниковъ—и это забвеніе родства даже усиливаетъ ихъ энтузіазмъ; но въ томъ и заключается задача изслѣдователя, чтобы независимо отъ субъективнаго мнѣнія самихъ борцовъ установить эту преемственность на основаніи объективныхъ данныхъ. И вѣрнѣйшимъ путемъ считается сличеніе литературныхъ памятниковъ. Это сличеніе приводитъ насъ въ данномъ случаѣ къ неоспоримому выводу, что Бундъ зародился тогда, когда въ сферу рабочаго движенія проникли основные лозунги сіонизма. Читатель долженъ запомнить этотъ выводъ: онъ уже нѣсколько приближаетъ насъ къ рѣшенію нашей задачи — къ установленію объективной сущности и исторической роли Бунда.

Но не эти слѣды внѣшнихъ вліяній представляютъ самую характерную особенность „Поворотнаго пункта": еще большаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ немъ *внутренніе мотивы* національизаціи еврейскаго рабочаго движенія. Эта сторона бундовскаго „манифеста" до сихъ поръ какъ-то упускалась изъ виду, —

---

*) Любопытно, что въ легальномъ изданіи „Матеріалы по исторіи евр. раб. движенія" въ цитатѣ изъ „Поворотнаго пункта" (стр. 49) подчеркнутыя слова выпущены!

между тѣмъ она-то и даетъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ для выясненія не только источниковъ Бунда, но въ извѣстной мѣрѣ и его грядущихъ судебъ. Недостаточное вниманіе критиковъ Бунда къ этой сторонѣ „Поворотнаго пункта" тѣмъ болѣе несправедливо, что внутренніе мотивы „поворота" изложены тамъ въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе. Вотъ они:

> ... Мы притомъ должны помнить, что нашъ демократическій лозунгъ: „все посредствомъ народа" не позволяетъ намъ ожидать освобожденія еврейскаго пролетаріата отъ экономическаго, политическаго и гражданскаго порабощенія ни отъ русскаго, ни отъ польскаго движенія (стр 18).
>
> Мы хорошо понимаемъ, что безъ успѣха русскихъ и польскихъ рабочихъ мы многаго не добьемся, но съ другой стороны мы уже не можемъ попрежнему ожидать всего отъ русскаго пролетаріата, какъ наша буржуазія ожидаетъ всего отъ русскаго и чиновничьяго либерализма. Мы должны имѣть въ виду, что русскій рабочій классъ въ своемъ развитіи будетъ встрѣчать такого рода препятствія, что каждое ничтожное завоеваніе ему будетъ стоить страшныхъ усилій, а потому ему лишь постепенно и упорной борьбой удастся добиться уступокъ политическихъ и экономическихъ; а въ такомъ случаѣ очевидно, что, когда русскому пролетаріату придется жертвовать нѣкоторыми изъ своихъ требованій для того, чтобы добиться хоть чего-нибудь, онъ скорѣе пожертвуетъ такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ, напримѣръ—свободы религіи или равноправія евреевъ. То же самое съ русскимъ либеральнымъ движеніемъ, которое тоже будетъ склонно жертвовать интересами евреевъ для того, чтобы достигнуть чего-нибудь (стр. 19).

Въ упомянутой уже брошюрѣ „Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ" къ этимъ цитатамъ приклеены цѣлыхъ три страницы (63—65) извиненій, оговорокъ и оправданій, но именно это запоздалое стараніе смягчить и замазать лучше всего доказываетъ, что въ откровенныхъ заявленіяхъ предвозвѣстника Бунда дѣйствительно прорвалась горькая, компрометирующе-голая истина. Никакими заметаніями слѣдовъ невозможно затушевать прямой смыслъ приведенной цитаты, а смыслъ этотъ означаетъ: русскіе и польскіе рабочіе насъ предадутъ, когда имъ это будетъ выгодно. Съ той поры, какъ это было сказано, прошло больше десяти лѣтъ, и за это время бундовскіе агитаторы множество разъ громили сіонистовъ за то, что они, видите-ли, хотятъ посѣять недовѣріе между еврейскимъ и нееврейскимъ пролетаріатомъ. Но

это обвиненіе било мимо цѣли, какъ били и бьютъ мимо цѣли всѣ бундовскія аттаки противъ сіонизма. Сіонисты добивались только того, чтобы еврейскій пролетаріатъ сдѣлалъ естественный логическій *выводъ* изъ своего недовѣрія къ инородцамъ. Что же до самого недовѣрія, то намъ незачѣмъ было его сѣять—оно было посѣяно раньше, и плодъ, который выросъ изъ этого посѣва, носитъ имя Бунда. Ибо сколько бы вы потомъ ни подкрашивали рѣзкости „Поворотнаго пункта", всетаки эта рѣчь остается литературнымъ памятникомъ того настроенія, которое привело руководителей еврейскаго рабочаго движенія къ созданію національной партіи, и памятникъ этотъ неопровержимо говоритъ, что основнымъ внутреннимъ мотивомъ выдѣленія въ особую организацію было глубокое недовѣріе ко всему инородческому рабочему классу.

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, будто я желаю совершенно обѣлить сіонистовъ отъ вышеуказаннаго бундовскаго обвиненія—будто я совершенно отрицаю наше участіе въ разрушеніи наивной вѣры еврейскихъ соціалдемократовъ въ чужую защиту. Напротивъ! Бундовцы неправы лишь постольку, поскольку они приписываютъ сіонистамъ такія попытки *послѣ* возникновенія Бунда. Намъ дѣйствительно незачѣмъ было разрушать то, что уже было разрушено въ 1895 году и торжественно погребено въ 1897; а если отдѣльные сіонисты въ единичныхъ случаяхъ и дальше проявляли такія поползновенія, то ужъ это было, конечно, совершенно излишне, и объясняется это просто инерціей чрезмѣрнаго усердія. Но по существу своихъ обвиненій бундовцы совершенно правы: да, мысль о томъ, что нѣтъ горшей нелѣпости, чѣмъ еврейская надежда на инородческую защиту, первымъ своимъ политическимъ провозглашеніемъ обязана была дѣйствительно сіонизму: она проходитъ чрезъ всю брошюру Пинскера, она играетъ огромную, даже—охотнѣе сказалъ бы я—чрезмѣрную роль въ психологіи первыхъ дѣятелей палестинофильства и сіонизма; и когда—черезъ 14 лѣтъ—отъ проникновенія этой мысли въ среду рабочаго движенія появляется на свѣтъ національно-обособленная еврейская рабочая партія, то это безспорно снова подтверждаетъ уже однажды полученный нами выводъ о томъ, что въ основу бундизма исторически легли идеи, почерпнутыя съ большимъ опозданіемъ изъ сіонистическаго катехизиса.

II.

Но въ «Поворотномъ пунктѣ» намѣченъ и второй внутренній мотивъ обособленія еврейскихъ рабочихъ въ національную партію. Этотъ мотивъ есть наличность особыхъ интересовъ. Въ смыслѣ конституирующаго момента этотъ мотивъ по важности долженъ быть признанъ даже не вторымъ, а первымъ: самое «недовѣріе» можетъ возникнуть только тогда, когда имѣются на лицо особыя групповыя требованія, защита которыхъ не входитъ непосредственно въ интересы другихъ группъ, Партіи размежевываются только по линіи особности интересовъ. Если бы дѣло шло фактически только о техническихъ особенностяхъ—напримѣръ, объ агитаціи на жаргонѣ,—то вмѣсто Бунда возникло бы нѣчто вродѣ еврейскихъ комитетовъ П. П. С.—чисто-техническое подраздѣленіе безъ всякихъ конститутивныхъ признаковъ особой партіи. Бундъ же сложился въ особую партію въ полномъ смыслѣ этого слова, и бундовцы этимъ даже не мало всегда гордились и гордятся. Ясное дѣло, что незачѣмъ было бы и огородъ городить, если бы въ дѣятеляхъ 1894—97 года не бродило, подъ вліяніемъ тѣснаго соприкосновенія съ массой, неопредѣленное, но сильное сознаніе того, что специфическая статика этой массы не можетъ не требовать и специфическихъ дополненій къ обычной соціалдемократической программѣ И если преобладающимъ *настроеніемъ* въ средѣ этихъ дѣятелей было тогда, какъ мы видѣли, недовѣріе къ чужой помощи, то роль преобладающаго *положительнаго импульса* сыграло это сознаніе особности интересовъ еврейскаго пролетаріата. И возникновеніе Бунда въ 1897 года было, такимъ образомъ, не только манифестаціей недовѣрія: это было настоящее прокламированіе принципа особыхъ интересовъ.

Но только принципа. Ни въ 1895 году авторъ «Поворотнаго пункта», ни въ 1897 первый учредительный съѣздъ «Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ» не сумѣли вложить въ этотъ принципъ исчерпывающее содержаніе: и тотъ, и другой ограничились пресловутой «равноправностью». Принять сколько-нибудь въ серьезъ этотъ мизерный лозунгъ есть, конечно, дѣло невозможное: самъ Бундъ расписался въ этомъ, расширивъ чрезъ нѣкоторое время свою національную программу до предѣловъ «культурной» автономіи. Не говоря уже о томъ, что слишкомъ жалко звучала эта «равноправность» при тогдашнемъ разгарѣ дѣла Дрейфу-

са въ свободной Франціи,—еще болѣе ничтожное впечатлѣніе производилъ этотъ «гвоздь» бундовской національной программы въ сопоставленіи съ широковѣщательными тирадами «Поворотнаго пункта». «Пробужденіе классоваго и національнаго самосознанія»—говорилось въ этой брошюрѣ—«должно идти рука объ руку!» Врядъ-ли могъ кто-нибудь серьезно думать, что «равноправіе» способно сыграть роль знамени, вокругъ котораго можно было бы сконцентрировать это пробужденное національное самосознаніе; да притомъ настолько-то «національнаго самосознанія», чтобы понимать необходимость уравненія въ правахъ, имѣлось и тогда въ наличности у каждаго заурядного еврея, балабоса или рабочаго, и нечего и некого было съ этой точки зрѣнія «пробуждать». Въ смыслѣ несоотвѣтствія между постановкой вопроса въ «Поворотномъ пунктѣ», всетаки довольной широкой, и худосочностью той «программы», которая была выдвинута въ отвѣтъ,—можно смѣло сказать, что гора родила мышь,—что Бундъ умѣлъ обособиться, но не умѣлъ объяснить, во имя чего онъ обособляется.

На первый взглядъ это можетъ показаться страннымъ. Если разсуждать прямолинейно, то естественнымъ былъ бы какъ разъ обратный порядокъ: сначала продумать и вполнѣ выяснить всю сумму своихъ специфическихъ требованій—и только потомъ, въ зависимости отъ характера и объема послѣднихъ, рѣшить вопросъ о желательности или нежелательности выдѣленія. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи становится понятнымъ, почему въ данномъ случаѣ дѣло сложилось и должно было сложиться не такъ. Въ томъ сложномъ и запутанномъ положеніи, въ которомъ находится и еврейскій народъ вообще, и главнымъ образомъ еврейская наемно-трудовая масса съ ея бременемъ тройного гнета,—всегда гораздо легче *ощутить* особность интересовъ, чѣмъ понять и точно формулировать ее. *Ощущеніе* того, что еврей рѣзко и во всемъ непохожъ на русскаго или поляка, что у еврея все по иному, что у насъ и у нихъ мѣрки разныя и разныя потребности, и вообще „что одному здорово, то другому карачунъ,“—это ощущеніе въ самой сильной формѣ искони глубоко жило въ еврейской массѣ, до самыхъ ея низовъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ глубже. Идея полнаго, безразличнаго сліянія русскихъ и евреевъ въ одной организаціи—эта идея на практической повѣркѣ въ средѣ живыхъ массъ должна была непонятнымъ, но нагляднымъ образомъ оказаться дикой, несообразной, несостоятельной. Такъ оно и случилось, и при первомъ соприкосновеніи съ широкой

еврейской массой піонеры движенія поняли, что имъ не сдѣлать ни шагу дальше, если они предварительно ни установятъ разъ навсегда однородность матеріала, изъ котораго будутъ ковать партію. Имъ пришлось прежде всего подчиниться этому стихійно-массовому ощущенію полной несовмѣстимости «вола и осла» въ одной упряжи — иначе, повидимому, немыслимо было вести какую бы то ни было работу; операцію выдѣленія пришлось сдѣлать и оформить сейчасъ-же, не теряя времени.—Но выяснить во всѣхъ подробностяхъ содержаніе и коренныя причины ощущенія—это было далеко не такъ уже къ спѣху. Поглощенная ближайшими задачами—сначала экономической борьбою съ хозяиномъ за лишній кусокъ хлѣба, потомъ съ городовымъ за свободу экономической борьбы,— масса по собственному почину не проявляла особенной требовательности въ этомъ отношеніи; ей было тогда не до творческихъ задачъ, не до плановъ обще-національнаго освобожденія, даже не до принципа «самоопредѣленія»—ибо, какъ справедливо сказано въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія»—«рабочая масса обыкновенно борется за принципы лишь тогда, когда эти принципы *непосредственно* (курсивъ автора) вытекаютъ изъ сознанныхъ ея потребностей»*)—т. е., говоря болѣе простымъ штилемъ, борется вообще не за принципы, а за свои ближайшія выгоды, не особенно ломая голову надъ широкими задачими грядущаго. Поэтому особенно пытливыхъ вопросовъ объ истинныхъ мотивахъ обособленія эта масса своимъ руководителямъ не задавала и вполнѣ удовлетворилась куцымъ, но популярнымъ и насущнымъ лозунгомъ равноправія. И вполнѣ возможно, даже очень вѣроятно, что въ пылу борьбы съ балабосомъ и полиціей (тогда это называлось борьбой съ капитализмомъ и самодержавіемъ) еврейская рабочая масса долго-бы еще довольствовалось той-же программой, и ея руководителямъ еще Богъ знаетъ сколько лѣтъ не пришлось бы раскошеливаться на «культурную» автономію,—если бы не новый толчокъ снаружи, не новый напоръ внѣшнихъ вліяній.

III.

Въ томъ-же 1897 году, когда состоялся учредительный съѣздъ Бунда, былъ созванъ первый конгрессъ сіонистовъ. Обыкновенно выражаются, что съ этого момента выступилъ на сцену политическій

---

*) Стр. 63.

сіонизмъ. Я по этому вопросу нѣсколько иного мнѣнія: думаю, что истинно-политическая стадія сіонизма начинается только теперь. Но, во всякомъ случаѣ, *имя* политическаго сіонизма дѣйствительно провозглашено въ 1897 году; и такъ какъ въ имени этомъ заключается единственная и всеобъемлющая разгадка еврейской проблемы, то и одно его провозглашеніе само по себѣ уже было событіемъ. Слабыя искры палестинофильства и ахадъ-гаамизма превратились въ яркій базельскій маякъ; обновленный сіонизмъ быстро достигъ небывалаго внѣшняго расцвѣта и предпринялъ завоевательный походъ на всѣ слои еврейства. Первый годъ или два ушли, впрочемъ, на вербовку союзниковъ изъ верховъ, изъ среды „общества"; это, конечно, тоже приводило къ столкновеніямъ съ соціалистами и въ томъ числѣ съ Бундомъ, но столкновенія носили характеръ шумно-невинныхъ дискуссій между интеллигентами на невинныя темы вродѣ націонализма и ассимиляціи, благонадежности или неблагонадежности турецкаго падишаха, благозвучности или неблагозвучности древне-еврейскаго языка. Это все создавало недружелюбное отношеніе другъ къ другу; но настоящая борьба разразилась съ того момента, когда окрѣпшій сіонизмъ обратилъ вниманіе на возроставшій вѣсъ еврейскаго рабочаго движенія и направилъ свой первый, еще неумѣлый натискъ на эту позицію, гдѣ къ тому времени (было это въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ) почти единовластно господствовалъ Бундъ. Тутъ уже начались не теоретическія дискуссіи, а борьба за власть надъ обильнымъ и воспріимчивымъ человѣческимъ матеріаломъ.

Руководители Бунда встрѣтили новаго конкурента съ чувствомъ ненависти и опасенія. Это всѣмъ и въ достаточной мѣрѣ вѣдомо, но это всетаки нуждается въ объясненіи. Почему ненависть и почему опасеніе? Съ одной стороны, почему ненависть? Вѣдь о томъ, что «собственная территорія» противорѣчитъ интересамъ еврейскаго пролетаріата, который и тогда тысячами эмигрировалъ, можно было въ серьезъ разсказывать только опираясь на невѣжество массоваго слушателя; странная безсмысленность этого аргумента сама по себѣ доказываетъ, что онъ могъ вырасти только на почвѣ уже созрѣвшей ненависти къ сіонизму—слѣдовательно, не этимъ аргументомъ была она обусловлена. Что же ее вызвало?—Съ другой стороны, чѣмъ могло быть вызвано *опасеніе* предъ натискомъ сіонизма на бундовскую массу? Вѣдь люди, сколько-нибудь знакомые съ ультрабоевымъ настроеніемъ этой массы, должны были сразу увидѣть въ этомъ натискѣ, въ его призывахъ къ отказу отъ борьбы съ полиціей

и къ решпектированію интересовъ балабоса—всѣ нризнаки покушенія съ негодными средствами. Откуда же взялось опасеніе?

Разберемся отдѣльно въ причинахъ ненависти и въ причинахъ опасенія.

Ненависть имѣла два источника: первый коренился въ характерѣ тогдашняго сіонизма, второй и главный—въ настроеніи руководителей Бунда.

Въ извѣстной антисіонистической статьѣ австрійскаго соціалъ-демократа Макса Цеттербаума «Сіонизмъ и соціализмъ» содержится одно откровенное признаніе, которое въ примѣненіи къ дѣятелямъ Бунда вполнѣ уясняетъ намъ первый изъ этихъ двухъ источниковъ бундовской ненависти. Цеттербаумъ говоритъ:

> Принципіально противъ конечной цѣли сіонизма, т. е. противъ основанія въ Палестинѣ „еврейскаго государства", соціалъ-демократы ничего не имѣютъ... Отношеніе еврейской соціалъ-демократіи къ сіонизму менѣе всего опредѣляется вопросомъ о конечной цѣли этого движенія. Рѣшающимъ моментомъ въ данномъ случаѣ являются не конечная цѣль и не иллюзіи отдѣльныхъ личностей, а исключительно конкретное сіонистское движеніе, его дѣятельность и міросозерцаніе... и, наконецъ, его отношеніе къ жизненнымъ интересамъ дня и дѣйствительности, какъ оно проявляется въ оффиціальныхъ заявленіяхъ и резолюціяхъ *).

Это дѣйствительно значитъ поставить вопросъ на правильную почву. Сѣверо-восточные товарищи г. Цеттербаума субъективно могли быть увѣрены, что ихъ вражда къ сіонизму въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ изъ интересовъ еврейскаго пролетаріата, которые обязательно требуютъ осѣдлаго пребыванія въ странѣ съ инородческимъ большинствомъ; но въ дѣйствительности ихъ вражда была обусловлена только конкретнымъ характеромъ тогдашней стадіи сіонизма. Что же это была за стадія?

Это была отроческая стадія, совершенно аналогичная съ отроческими періодами всѣхъ другихъ народныхъ движеній, и самую наглядную и убѣдительную аналогію представляетъ, конечно, развитіе соціализма. Первые періоды народныхъ движеній въ силу психологической необходимости носятъ характеръ утопическій и реакціонный, и этотъ характеръ бываетъ тѣмъ рѣзче выраженъ и тѣмъ дольше держится, чѣмъ ярче идеалъ и чѣмъ многочисленнѣе та че-

---

*) Стр. 7—8—9.

ловѣческая группа, интересы которой покрываются этимъ идеаломъ. Ибо самая радикальность и потому отдаленность цѣли невольно заставляетъ первыхъ ея глашатаевъ и приверженцевъ изобрѣтать наивно-утопическія средства для „быстраго“ и „легкаго“ осуществленія идеала и твердо вѣрить въ пригодность этихъ средствъ. Одинъ изъ первыхъ соціалистовъ проектируетъ фаланстеры, мечтая мало по малу заполнить такими коммунистическими оазисами все пространство капиталистическаго хаоса; первые сіонисты — палестинофилы и билуйцы—насаждаютъ крохотныя колоніи, вѣруя, что такимъ путемъ, въ часъ по столовой ложкѣ, имъ удастся вычерпать до дна все море голуса. Первые соціалисты вѣрили въ возможность осуществить соціальный переворотъ при доброй поддержкѣ властей предержащихъ, фантазировали о союзѣ королевской власти съ рабочими, взывали къ гуманнымъ чувствамъ монарховъ и капиталистовъ, посвящали свои книги вліятельнымъ сановникамъ; авторъ идеи политическаго сіонизма строилъ свои расчеты въ значительной мѣрѣ на согласіи и поддержкѣ сильныхъ міра сего. А утопическія надежды невольно и неминуемо приводятъ къ реакціонной тактикѣ, ибо въ интересахъ дѣла приходится ладить съ властью, которая всегда анти-прогрессивна, и проповѣдывать массамъ разлагающую политическую пассивность. Такъ дѣйствовали первые соціалисты; такъ дѣйствовалъ и сіонизмъ въ юношеской стадіи своего развитія. Въ тотъ моментъ, когда сіонизмъ вступилъ въ острый фазисъ непосредственной конкурренціи съ Бундомъ, конкретное сіонистическое движеніе носило безусловно утопическій и реакціонный характеръ.

Исторически оно такъ и должно было быть, и не могло быть иначе, и все это ни съ какой стороны не можетъ служить поводомъ для „упрековъ“ по нашему адресу. При разсмотрѣніи историческихъ процессовъ вообще неумѣстно упрекать или хвалить, осуждать или одобрять. Все, что было, должно было быть, и не только въ томъ полу-абстрактномъ смыслѣ, что все совершающееся предопредѣлено законами причинности, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что въ процессѣ развитія всякая стадія по-своему полезна и цѣлесообразна. Если бы соціалистическій идеалъ сразу явился на свѣтъ во всеоружіи своихъ нынѣшнихъ методовъ, съ классовой и политической борьбой, профессіональными союзами и программой-минимумъ,—онъ не привлекъ бы сторонниковъ ни въ одномъ слоѣ неподготовленнаго общества: планъ показался бы сразу запутаннымъ, противорѣчивымъ и громоздкимъ, сложность методовъ заслонила бы

идеалъ, и въ концѣ концовъ изъ за деревьевъ было бы не видно лѣса. Утопическая форма полезна именно потому, что она сразу обольщаетъ красотой идеала и въ то же время не отпугиваетъ трудностями и продолжительностью предстоящаго пути; въ этой упрощенной оправѣ идеалъ съ большей легкостью привлекаетъ приверженцевъ, а когда они постепенно сродняются со своей новою вѣрой, тогда становится возможнымъ пересмотръ старыхъ плановъ реализаціи и замѣна ихъ новыми, болѣе сложными чертежами. Утопическій періодъ необходимъ, ибо иначе идеалъ не можетъ быть воспринятъ широкими кругами приверженцевъ, и только послѣ обязательнаго завершенія этой утопически-реакціонной стадіи возможна выработка истинныхъ методовъ движенія, гдѣ добрая воля власть имущихъ замѣняется организаціей народныхъ силъ, а скачокъ изъ рабства въ свободу — планомѣрнымъ и постепеннымъ завоеваніемъ позицій.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ XIX вѣка сіонизмъ переживалъ разгаръ своего отрочества. Методы его были утопичны; практика его была реакціонно-пассивна,—причемъ я имѣю въ виду, конечно, не ея скептическое отношеніе къ борьбѣ съ городовыми, безплодной для Россіи и разорительной для еврейства, а полное отсутствіе какой бы то ни было программы политическаго дѣйствія для діаспоры или Палестины. Рабочая же масса въ это время была насквозь пропитана субъективнымъ порывомъ къ политическому дѣйствію, и не вина Бунда, если объективныя условія голуса сводили всѣ его отчаянныя усилія къ ничтожнымъ царапинамъ на толстой кожѣ самодержавія. Сіонисты пришли къ рабочей массѣ не только со своимъ идеаломъ, но и со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ; со стороны Бунда это настроеніе могло только вызвать негодованіе и отпоръ. Такъ оно и было.

Второй и главный источникъ ненависти коренился въ руководителяхъ Бунда. Имя ему — ассимиляторство. Во то время эти руководители, принявшіе на III съѣздѣ въ 1900 году знаменитое постановленіе: «Бундъ въ числѣ своихъ политическихъ требованій выставляетъ требованіе только гражданскаго, а не національнаго равноправія», были ассимиляторами даже формально, по своей политической программѣ; но они остались ассимиляторами и послѣ того, какъ на IV съѣздѣ въ 1901 году провозгласили требованіе національной автономіи, которую сейчасъ же послѣ съѣзда поспѣшили ограничить „вопросами культуры и языка“, и къ которой на томъ

же съѣздѣ прицѣпили нарочито-извинительную резолюцію о томъ, что „выставленіе“ этой самой автономіи пока „преждевременно“, ибо изъ него можетъ получиться „раздуваніе національнаго чувства“... Надо вообще свыкнуться съ мыслью, что слово „ассимиляторъ“ нельзя понимать буквально въ этимологическомъ его смыслѣ. Такихъ ассимиляторовъ, которые добивались бы дѣйствительнаго и полнаго *уподобленія* еврея не-еврею, почти уже не осталось на свѣтѣ. Всѣ понимаютъ или догадываются, что полное и безповоротное уподобленіе возможно лишь на почвѣ физіологическаго скрещенія, а это „средство“ не поддается, конечно, включенію въ серьезную политическую программу; что же касается до внѣшне-культурной ассимиляціи — до уподобленія въ языкѣ, въ умственной пищѣ и т. п., то слишкомъ ужъ это все грубо противорѣчитъ элементарнымъ принципамъ человѣческаго равенства или такимъ основнымъ истинамъ, какъ народный языкъ въ народной школѣ, права языковъ въ судѣ, и прочая. Такимъ образомъ на нашихъ глазахъ народилось цѣлое поколѣніе „націоналъ-ассимиляторовъ“, которые, скрѣпя сердце, не протестуютъ болѣе противъ сохраненія еврейскаго культурнаго облика и даже иногда вполнѣ удачно усваиваютъ себѣ ходячія слова націоналистической фразеологіи, но въ сущности насквозь остаются ассимиляторами. Ибо основная черта ассимиляторства та, что оно органически не можетъ примириться съ мыслью о *самодовлѣющемъ* еврействѣ. Ассимиляторская психологія сжилась съ убѣжденіемъ, что еврейскій народъ не самоцѣль, а средство для хозяйскаго преуспѣянія, и какія бы гордыя фразы о національномъ достоинствѣ ни выучился произносить ассимиляторъ, отъ этого убѣжденія онъ не въ силахъ отрѣшиться. Малѣйшій намекъ на то, что развитіе еврейской исторіи должно оторвать нашъ народъ отъ той самой русской атмосферы, продуктами которой онъ, ассимиляторъ, питался если не со дня рожденія, то со дня вступленія въ сознательную жизнь, — намекъ на это приводитъ его въ бѣшенство. Такъ какъ еврейство до послѣднихъ лѣтъ жило въ политическомъ смыслѣ только отраженной жизнью, онъ не привыкъ рисовать себѣ прогрессъ въ формѣ самостоятельно-еврейскихъ переживаній: для него прогрессъ — это то, что переживаютъ русскіе, поляки, нѣмцы, и къ чему евреи прицѣпляются на буксирѣ; и потому всякая попытка сорвать еврейскій народъ съ буксира во имя независимаго политическаго творчества кажется ему, часто вполнѣ искренно, измѣной прогрессу. Онъ пойдетъ на всѣ уступки, санк-

ціонируетъ не только жаргонъ, но даже древне-еврейскій языкъ, будетъ съ утра до ночи декламировать вамъ на тему „иври оной-хи", — только не посягайте на его территоріально-государственную вѣрноподданность, только не принуждайте его, привыкшаго мнить себя однимъ изъ участниковъ грандіозной стосорокамилліонной россійской общественности, превратиться вдругъ и сразу въ не болѣе какъ члена крохотной еврейской народности... Въ сущности это переодѣтое ассимиляторство новѣйшаго образца происходитъ изъ того же источника рабской влюбленности въ богатство панскаго быта, что и откровенная ассимиляція прежняго типа — та, которую авторъ „Рабства въ свободѣ" заклеймилъ у французскихъ евреевъ и яркій образчикъ которой изобразилъ недавно Шоломъ Ашъ въ лицѣ Юстынки изъ „Meschiach's Zaiten". А у соціалъ-демократовъ эта ассимиляторская жилка усиливается еще благодаря тому, что признаніе наличности обще-національныхъ задачъ дѣйствительно должно неминуемо ослабить интенсивность классовой борьбы внутри націи. Это роковое обстоятельство дѣлаетъ соціалистовъ въ національномъ вопросѣ неизмѣримо болѣе раздражительными и нетерпимыми по сравненію съ приверженцами буржуазно-демократическихъ лозунговъ. И какъ ни правъ г. Цеттербаумъ въ цитатѣ, которую я привелъ, все-таки нетерпимость и раздраженіе естественно должны были принять особенно рѣзкую форму, когда въ качествѣ такой общенаціональной задачи былъ выдвинутъ идеалъ сіонизма, требующій совершенно безпримѣрнаго, едва-ли не всепоглощающаго напряженія національныхъ силъ и, по крайней мѣрѣ по внѣшности, отстраненія внутреннихъ противорѣчій на далекій задній планъ. И такъ какъ это ассимиляторское настроеніе, нынѣ замаскированное, въ то время еще господствовало въ Бундѣ (какъ я уже указывалъ) даже формально, въ смыслѣ программы,—то рѣзкій радикализмъ сіонистическаго отвѣта на еврейскій вопросъ не могъ не возмутить до глубины души вожаковъ этой партіи, которые и теперь, въ 1906 г., откровенно объявляютъ себя оппортунистами въ области національной проблемы *). Ихъ, этихъ вожаковъ еврейскаго революціоннаго движенія, больше чѣмъ всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ задѣла и оскорбила безцеремонная прямолинейность сіонизма, ибо они-то больше всѣхъ другихъ еврейскихъ интеллигентовъ привыкли считать себя не только участниками, но и творцами россійской об-

*) См. статью г. Гейликмана въ № 7 „Нашего Слова".

щественности,—и вдругъ имъ крикнули въ лицо, что все это самообманъ, что на россійскую общественность они не могутъ имѣть никакого вліянія, что весь ихъ героизмъ напрасенъ и всѣ ихъ жертвы безполезны, и что въ обновленной Россіи ихъ и насъ точно такъ-же оттиснутъ на задворки, съ бранью и насиліемъ, какъ до обновленія. Все это была святая правда. Но если бы въ то время самъ Богъ низошелъ съ неба возвѣстить эту правду, единственнымъ психологически-возможнымъ отвѣтомъ на нее оказался бы взрывъ непримиримаго раздраженія. Такъ оно и было.

Но раздраженіе само по себѣ не могло бы привести къ той интенсивной ненависти, какую Бундъ всегда проявлялъ къ сіонизму, если бы оно не совпало съ другимъ чувствомъ — съ опасеніемъ. Полагаю, что доказывать наличность этого бундовскаго страха предъ сіонизмомъ—совершенно излишне: врядъ ли кто нибудь рѣшится отрицать такую очевидную вещь. Впрочемъ, все дальнѣйшее изложеніе, помимо даже моей воли, будетъ доказывать и напоминать вамъ объ этомъ чувствѣ опасенія. По количеству энергіи, изъ году въ годъ расходуемой Бундомъ на борьбу противъ сіонизма, по тому значенію, которое Бундъ всегда придавалъ этой борьбѣ, хвастаясь ею даже на международныхъ конгрессахъ, — наконецъ по характеру самой эволюціи бундовскаго націонализма вы на каждомъ шагу вынуждены будете заключить: *такъ* воюютъ только съ тѣмъ конкурентомъ, котораго очень боятся.

Но въ такомъ случаѣ собственно самъ собою падаетъ вопросъ, который я раньше поставилъ: почему опасеніе? Причина боязни въ подобныхъ случаяхъ ясна изъ самого факта боязни: признать идею *опасной* значитъ тѣмъ самымъ признать ее *соблазнительной*—признать, что въ ней есть нѣчто способное привлечь и увлечь вашу паству. Другого объясненія быть не можетъ. И то множество желчи и неправды, которое за эти годы пущено было Бундомъ въ ходъ противъ сіонизма, всегда служило намъ яркимъ показателемъ, какъ мало вѣрили сами вожаки Бунда въ свои собственныя клятвенныя завѣренія, что, молъ, «эти теченія успѣха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ» *). Вся многолѣтняя тактика этихъ вожаковъ по адресу нашего движенія говоритъ неопровержимо, что даже подъ реакціонной одеждой своего отроческаго періода оно включало нѣчто въ высшей степени

*) На амстерд. конгрессѣ. См. дальше.

привлекательное для еврейскаго рабочаго,—даже при покушеніи съ явно-негодными средствами оно всетаки грозило овладѣть душою массы, и они, руководители, чувствовали эту возможность. Своею травлей они только расписывались въ томъ, что, впрочемъ, и безъ нихъ должно было быть ясно каждому здоровому человѣку — что идея національной независимости могла быть предметомъ ненависти только для ассимилятора, но въ сознаніи простой и цѣльной массы эта идея задѣла бы сильныя струны...

Такова была картина къ концу прошлаго столѣтія. Бундъ владѣлъ еврейской рабочей массой, сіонизмъ пытался проникнуть въ ея среду; сіонизмъ того періода былъ облеченъ въ самую непривлекательную форму, но и въ этомъ видѣ онъ показался руководителямъ Бунда сильнымъ и опаснымъ конкуррентомъ, и непривлекательная внѣшность соперника только усилила ихъ ненависть, вытекавшую въ основѣ изъ глубокой ассимиляторской закваски, - но не уменьшила страха. И первое формальное сраженіе, данное Бундомъ нашему движенію на знаменитомъ IV съѣздѣ въ 1901 году, было въ то же время выразительной манифестаціей этого страха предъ натискомъ сіонизма.

Два подтвержденія своей боязни далъ Бундъ на этомъ IV съѣздѣ.

Первое изъ нихъ—резолюція о сіонистахъ. Не та теоретическая резолюція о сіонизмѣ, которая принята была въ томъ же засѣданіи и не представляетъ ровно никакой цѣнности даже въ смыслѣ критики дѣйствительно-слабыхъ сторонъ тогдашняго сіонизма,— а практическое постановленіе о сіонистахъ. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто изъ оффиціальнаго отчета о IV съѣздѣ:

> Оживленный обмѣнъ мыслей вызвалъ затѣмъ возбужденный однимъ изъ членовъ вопросъ, можно-ли принимать въ наши экономическія и политическія организаціи рабочихъ сіонистовъ, если таковые гдѣ либо имѣются. Многими организаторами были выяснены различныя неудобства и вредныя послѣдствія, могущія проистекать отъ участія сіонистовъ даже во временныхъ соціалъ-демократическихъ организаціяхъ Было поэтому постановлено, что
>
> „ни въ экономическія, ни въ политическія наши организаціи сіонисты не должны быть ни въ коемъ случаѣ допускаемы".

Въ этомъ херемѣ особенно замѣчательно то, что сіонисты исключаются даже изъ *экономическихъ* организацій. Между тѣмъ, напримѣръ, въ «Исторіи еврейскаго рабочаго движенія» на стр. 84

вы найдете заявленіе о томъ, что въ эти свои экономическія организаціи Бундъ широко открываетъ «доступъ *всякому* рабочему, желающему бороться за улучшеніе своего матеріальнаго положенія, *не требуя для этого ничего, кромѣ простой добропорядочности*». Какъ видите, сіонисты не просто исключены, а такъ сказать поставлены внѣ закона, ибо изгнаніе за убѣжденія безспорно идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ пониманіемъ самой идеи экономической организаціи. Это очень характерное условіе, ибо ему есть очень характерныя аналогіи въ западно-европейской исторіи и практикѣ. Аналогіи эти доказываютъ, что такая чрезвычайная мѣра — изъятіе изъ общаго правила — пускается въ ходъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда идея, противъ приверженцевъ которой направлено это средство, дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣчто неотразимо увлекательное для массы. Достаточно вспомнить, что буржуазные демократы «Молодой Германіи» тоже допускали въ свои рабочіе ферейны „всѣхъ", кромѣ комунистовъ; и точно такъ-же католическіе профессіональные союзы Германіи до послѣдняго года не принимали въ свою среду рабочихъ соціалъ-демократовъ. Очевидно, и либералы 48 года, и клерикалы нынѣшняго центра хорошо поняли, что есть идеалы, вытекающіе изъ самой жизни, и съ такими идеалами нельзя бороться доводами: ихъ надо просто устранять изъ поля зрѣнія пасомаго стада, не допускать никакого соприкосновенія, потому что въ нихъ слишкомъ много правды...

Но главнымъ и торжественнымъ подтвержденіемъ страха предъ сіонизмомъ было на IV съѣздѣ нѣчто куда болѣе важное, чѣмъ резолюція о недопущеніи крамолы въ бундовскія казармы: главнымъ подтвержденіемъ былъ шагъ, дѣйствительно положившій начало новой эрѣ въ еврейскомъ рабочемъ движеніи, — рискованный шагъ, имѣвшій для Бунда большія и серьезныя послѣдствія. Это была извѣстная резолюція о національной автономіи*), резолюція, помощью

*) Критикой бундовской автономіи по существу, какъ уже сказалъ, я займусь въ другой разъ; здѣсь только напомню для слабо знакомыхъ съ этимъ вопросомъ, что въ нынѣшней своей формѣ эта автономія сводится исключительно къ праву каждой націи самостоятельно завѣдывать своими просвѣтительными учрежденіями—школами, музеями и т. п. Больше ничего, никакія другія дѣла въ національную автономію не входятъ. Это называется національно-„культурной" автономіей и представляетъ, по мнѣніи Бунда, вполнѣ достаточный отвѣтъ на экономическое вытѣсненіе, общественный бойкотъ, эмиграцію и погромы.

которой Бундъ попытался вложить, наконецъ, исчерпывающее конкретное содержаніе въ принципъ «особыхъ интересовъ»,—въ основной принципъ, провозглашенный еще въ 1897 году самымъ фактомъ возникновенія Бунда.

Въ сіонистической печати уже было доказано, что эта попытка IV съѣзда была сдѣлана подъ давленіемъ сіонизма. Никакія возраженія противъ этой фактической истины не могутъ имѣть силы, потому что у насъ о томъ есть оффиціальное свидѣтельское показаніе самаго Бунда въ видѣ изданной центральнымъ комитетомъ брошюры подъ заглавіемъ «Къ вопросу о національной автономіи и т. д.» Въ этой брошюрѣ на стр. 6 напечатаны слѣдующія, уже довольно часто цитированныя признанія:

> Въ Бундѣ отсутствіе опредѣленнаго взляда на національный вопросъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу. Еврейскій пролетаріатъ принадлежитъ къ одной изъ наиболѣе угнетенныхъ націй въ Россіи. Онъ живетъ, къ тому, на окраинахъ Россіи, среди множества другихъ преслѣдуемыхъ народовъ—поляковъ, литовцевъ, латышей, малороссовъ, эстовъ, бѣлоруссовъ и т. д. У каждой изъ этихъ національностей есть своя національная программа и требованія. Нѣкоторыя изъ нихъ стараются привлечь еврейскихъ рабочихъ на свою сторону, дабы они усво или ихъ точку зрѣнія и защищали ихъ программу. И въ средѣ самого еврейства имѣются буржуазныя партіи, выставляющія опредѣленный еврейскій національный идеалъ и старающіяся привлечь на свою сторону и еврейскихъ рабочихъ. Спрашивается, можетъ ли при такихъ условіяхъ Бундъ довольствоваться неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ: «право самоопредѣленія»? Не рискуетъ ли онъ съ этимъ «правомъ самоопредѣленія» потерять всякое чут е дѣйствительности?
>
> Національный вопросъ назрѣлъ и никакими заклинаніями вы его не устраните; рѣшеніе его можно отсрочить на годъ, на два, какъ это попытался сдѣлать III съѣздъ, но затѣмъ отвѣтъ всетаки нужно будетъ дать. Если мы этого не сдѣлаемъ, то это сдѣлаютъ другіе, сдѣлаетъ буржуазная интеллигенція, которая, конечно, постарается вызвать наружу дурныя страсти массы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Мало того, буржуазная интеллигенція въ лицѣ сіонистовъ разныхъ фракцій уже выступаетъ съ національной программой и все настойчивѣе стремится отвлечь еврейскихъ рабочихъ отъ соціалъ-демократическаго движенія. И если мы не хотимъ, чтобы вліяніе на умы рабочихъ пріобрѣли партіи,враждебныя рабочему движенію, если мы хотимъ помѣшать развитію сіонизма въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, мы должны взять національный вопросъ въ свои собственныя руки и разрѣшить его въ соціал-демократическомъ смыслѣ.

Комментаріи могли бы только затуманить похвальную ясность этой исповѣди; но не лишне будетъ подкрѣпить ее новымъ, уже совсѣмъ свѣжимъ и столь же авторитетнымъ подтвержденіемъ. Оно содержится въ недавно изданномъ отчетѣ о преніяхъ на VII конференціи Бунда по вопросу о возсоединеніи съ Россійской партіей *). Перелистывая эту брошюру, вы чуть ли не на каждой страницѣ, чуть ли не у каждаго оратора встрѣчаете повтореніе одной и той же мысли: если партія заставитъ насъ отказаться отъ «культурной» автономіи, масса уйдетъ къ сіонистамъ! Единственный, кто запротестовалъ противъ этой угрозы, былъ делегатъ г. Зельцеръ: онъ шумно заявилъ, что думать такъ значитъ оскорблять еврейскій пролетаріатъ, а на самомъ дѣлѣ сіонисты не страшны. Ему очень аплодировали. Но съ тѣхъ поръ, кажется, прошло не такъ много времени, а между тѣмъ въ 6-мъ № „Нашего Слова“ тотъ самый г. Зельцеръ роняетъ слѣдующую знакомую нотку:

> ...Мы подчеркиваемъ вѣроятность того, что партія выскажется противъ культурно-національной автономіи, и спрашиваемъ товарищей изъ „большинства“ **) —что же будетъ тогда? Неужели вы и въ этомъ вопросѣ отречетесь отъ своихъ взглядовъ, санкціонируете рѣшенія, діаметрально противоположныя вашимъ убѣжденіямъ — и предоставите еврейскій пролетаріатъ въ жертву сіонистической демагогіи?

Надо полагать, г. Зельцеръ не сбухтабарахты говоритъ сегодня одно, а завтра другое. Надо полагать, его переубѣдило болѣе близкое знакомство съ настроеніемъ массы...

Самъ г. Зельцеръ, быть можетъ, совершенно искренній націоналистъ и дѣйствительно вѣритъ, что „культурная“ автономія хороша и полезна сама по себѣ, какъ рѣшеніе еврейской проблемы. Но угрожающій вопросъ, которымъ онъ въ концѣ этой выписки стараегся запугать своихъ товарищей (хорошо, повидимому, зная ихъ психологію),—этотъ вопросъ доказываетъ, что въ глазахъ руководителей Бунда главнымъ назначеніемъ автономіи всетаки остается та же старая роль громоотвода противъ сіонизма. Ради этой цѣли ее выставили, ради этой цѣли ее надо сохранить.

---

*) Къ вопросу объ объединеніи. Извлеченіе изъ протоколовъ VII конф. Бунда. Стр. 7, 15, 23, 40 и др.

**) Рѣчь идетъ о бундовскомъ „большинствѣ“, стоявшемъ, какъ извѣстно, за объединеніе. — Вл. Ж.

Около того же времени, когда въ Бундѣ назрѣвала „національная автономія“, въ окружающей русской дѣйствительности, по странному совпаденію, наблюдалось аналогичное, хоть и къ другой области относящееся явленіе. Агенты самодержавія пришли къ убѣжденію, что рабочій вопросъ «назрѣлъ, и никакими заклинаніями вы его не устраните», а потому необходимо дать боевой энергіи пролетаріата безвредный громоотводъ, который отвлекалъ бы рабочихъ отъ соціализма и политической борьбы. Такъ явилась на свѣтъ теорія «независимцевъ».—Не провожу знака равенства между Бундомъ и агентами самодержавія, но выставленіе національной автономіи на IV съѣздѣ Бунда было актомъ національной зубатовщины. И подобно тому, какъ настоящая зубатовщина субъективно была задумана для уничтоженія соціалъ-демократіи, но объективно означала отступленіе самодержавія подъ натискомъ соціалъ-демократіи,— такъ же точно и національзація бундовской программы, затѣянная ради борьбы съ сіонизмомъ, была на самомъ дѣлѣ уступкой сіонизму.

IV.

Это противорѣчіе между намѣреніями и результатами очень характерно для дальнѣйшаго развитія Бунда, какъ національной партіи: можно смѣло сказать, что вся послѣдующая исторія бундовскаго націонализма и организаціонныхъ мытарствъ на этой почвѣ цѣликомъ сводится къ глухой и упорной борьбѣ между объективными тенденціями еврейскаго рабочаго движенія и субъективными настроеніями руководителей Бунда. И любопытная подробность: чѣмъ сильнѣе берутъ верхъ объективныя тенденціи движенія, чѣмъ ярче отражается на эволюціи Бунда вліяніе сіонизма, тѣмъ рѣзче выступаетъ и подчеркивается субъективная вражда. Ее усугубляетъ еще то обстоятельство, что Бундъ находится между двухъ огней — при всей своей организаціонной самостоятельности онъ въ идейномъ отношеніи все время невольно чувствуетъ себя вассаломъ Россійской партіи и старается елико возможно оправдаться въ подозрительныхъ глазахъ женевскаго св. престола. Для этого пускается въ ходъ самый упрощенный и самый наивный изъ пріемовъ оправдыванія — брань по адресу тѣхъ, у кого только что позаимствовался. Слѣды этого пріема есть еще въ «Поворотномъ пунктѣ», хотя въ этой рѣчи собственно о сіонизмѣ, переживавшемъ тогда — наканунѣ выступленія Герцля – глубокій упадокъ, даже не упоминается. Эти

усердныя, настойчивыя завѣренія почтеннѣйшей публики, что въ еврейской буржуазіи и интеллигенціи никогда не возникала мысль о самодѣятельности еврейскаго народа, что идея автоэмансипаціи открыта впервые «нами» и вотъ именно сегодня, 2-го мая 1895 г., —уже и эти характерныя детали перваго лепета Бунда сильно говорятъ о желаніи, одновременно съ провозглашеніемъ «новаго слова», тутъ-же откреститься и отпереться отъ всякаго знакомства съ тѣмъ колодцемъ, откуда въ сущности почерпнуто «новое слово». —На IV съѣздѣ открещиваніе выразилось, конечно, гораздо рѣзче. Я уже говорилъ, что тутъ же были приняты строгія резолюціи противъ сіонизма и сіонистовъ; и съ этого момента борьба идетъ въ непревывно-ростущемъ обостреніи. Послѣ выхода Бунда изъ Россійской партіи, ярко подчеркнувшаго неполную «кашерность» еврейской рабочей организаціи, бундовскія старанія обѣлить себя посредствомъ очерненія сіонизма приняли совершенно отчаянные размѣры.

Психологія, впрочемъ, совершенно понятная. Легко себѣ представить, въ какое состояніе приводили вожаковъ Бунда такіе отзывы «свыше», какъ хотя бы извѣстная статья въ № 56 «Искры» подъ заглавіемъ «Разложеніе сіонизма и его возможные преемники». Тамъ, напримѣръ, говорилось:

> ...Именно внутренняя логика этой самой борьбы съ сіонизмомъ и вливала націоналистическое содержаніе въ политическую агитацію Бунда. Политическая борьба чаще всего бываетъ въ то же время политической конкурренціей, въ которой многому научаются отъ врага .. Взятый *объективно*, онъ (Бундъ) представляетъ теперь собою агитаціонный аппаратъ, наиболѣе пригодный для совлеченія еврейскаго пролетаріата съ пути революціоннаго соціалъ-демократизма на путь революціонно-демократическаго націонализма. Конечно въ *субъективномъ* сознаніи вождей Бунда сохранилось еще достаточно соціалъ-демократическихъ „переживаній", чтобы бороться противъ такого совлеченія. Но логика фактовъ сильнѣе, чѣмъ косность мысли.
>
> Они (буржуазные демократы, сіонисты тожъ) придутъ — они идутъ уже—и властно отстранятъ тѣхъ, которые покажутся имъ доктринерами *)

Фактъ, на который указано въ послѣднихъ словахъ «Искры» —„они идутъ уже"—менѣе всего, конечно, могъ содѣйствовать успокоенію бундовской нервности. Если необходимость поддаваться давленію буржуазно-интеллигентскаго сіонизма приводила вожаковъ

---

*) Цитирую по „Вѣстнику Бунда", № 1—2, стр. 25.

Бунда въ состояніе раздраженія, то упорное развитіе спеціально-рабочаго сіонизма повышало это раздраженіе до совершенно безпримѣрныхъ размѣровъ. Формы, въ которыхъ оно проявлялось, были иногда до такой степени своеобразны, что даже трудно понять, какъ могла политическая партія настолько забыть о собственномъ достоинствѣ. Клевета, бойкотъ, насилія — весь этотъ каменный градъ, которымъ бундовцы въ разныхъ углахъ черты пытались засыпать на смерть первые всходы рабочаго сіонизма, достаточно извѣстенъ еврейской публикѣ; я на немъ не остановлюсь еще и потому, что Бундъ, какъ таковой, можетъ всегда свалить отвѣтственность за всѣ эти эксцессы на плечи отдѣльныхъ бундовцевъ. Но и въ *оффиціальныхъ* актахъ Бунда сохранился одинъ любопытный памятникъ, изъ котораго стоитъ привести соотвѣтствующую выдержку. Въ докладѣ делегаціи Бунда международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ цѣлая страница посвящена заслугамъ Бунда по «борьбѣ съ націоналистическими теченіями"— что уже само по себѣ доказываетъ нѣкоторую степень „нечистой совѣсти", безпокойное желаніе „забѣжать впередъ" на случай, если тамъ самихъ попрекнутъ націонализмомъ. Но шедевромъ „забѣганія" надо признать слѣдующія строки на этой страничкѣ:

> ...Сіонизмъ началъ разлагаться: изъ него начали выдѣляться теченія, которыя подъ маской „народолюбія" стараются ассимилировать себѣ еврейскій пролетаріатъ и привить ему буржуазную идеологію; для этого они выступаютъ подъ модными «демократическими» и «соціалистическими» кличками («сіонисты-демократы», «сіонисты-соціалисты», «сіонисты-рабочіе» или „пойалей-Ціонъ.») и заговариваютъ объ экономическихъ стачкахъ, которыя они предполагаютъ вести, оставаясь въ сторонѣ отъ политической борьбы, о „политикѣ", которая у нихъ не идетъ дальше личныхъ нападокъ на Плеве и дешевыхъ антиправительственныхъ возгласовъ (въ воззваніяхъ) вродѣ „долой и т. д.". о соціализмѣ, борьбу за который они откладываютъ до переселенія евреевъ въ Палестину. Эти теченія успѣха среди еврейскихъ рабочихъ не имѣютъ и имѣть не могутъ, они возникли слишкомъ поздно, теперь еврейскій пролетаріатъ уже достаточно сознателенъ для того, чтобы подъ новой кожей сіонизма ясно различить его старое реакціонное и буржуазное содержаніе. Правда, „пойалей-Ціонъ" („сіонисты-рабочіе") насадили въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи группки, присвоили имъ, по примѣру революціонныхъ организацій, громкое названіе „комитетовъ" и начали игру въ революцію; но это только одна мишура: въ дѣйствительности эти „комитеты" состоятъ изъ націоналистически-настроенныхъ полуинтеллигентовъ и ведутъ за собою пару десятковъ совер-

шенно несознательныхъ рабочихъ. Это такой „успѣхъ“ среди еврейскихъ рабочихъ, которому врядъ-ли кто-нибудь позавидуетъ („Докладъ“, стр. 14 - 15).

Мнѣ кажется, что въ ряду памятниковъ партійной грызни этотъ документъ, пошловатый тонъ котораго поражаетъ даже въ сравненіи съ обычнымъ бундовскимъ уровнемъ, долженъ занять совершенно особое мѣсто. На конгрессѣ въ Амстердамѣ не была представлена ни одна изъ соціалъ-сіонистическихъ фракцій. Какъ можно было въ отсутствіе противника публично разрѣшить себѣ такое шельмованіе, наперекоръ всѣмъ азбучнымъ основамъ простой человѣческой и политической порядочности,—для разгадки этой психологической странности можетъ послужить, повторяю, одна только субъективная необходимость кричать во все горло и на всѣхъ перекресткахъ, что на васъ шапка вовсе не горитъ,—зудъ нечистой совѣсти, который лучше всякаго перекрестнаго допроса развязываетъ языкъ подозрѣваемаго и о которомъ есть народная поговорка: знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Но не только въ этомъ выразилась тенденція открещиванія и заметанія слѣдовъ: еще любопытнѣе и характернѣе другой пріемъ, начало которому положено было на томъ-же IV съѣздѣ. Знаменитая «національная» резолюція этого съѣзда заключала двѣ части. Первая—въ изложеніи оффиціальнаго отчета—гласила такъ:

Съѣздъ признаетъ, что государство, подобно Россіи состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи

Съѣздъ признаетъ, что понятіе „національность“ примѣнимо и къ еврейскому народу.

Въ скобкахъ надо замѣтить: такова первая часть по оффиціальному отчету (стр. 14); какова была ея редакція въ дѣйствительности, я до сихъ поръ не могъ себѣ выяснить. Ибо чрезъ нѣсколько времени послѣ IV съѣзда въ «Искрѣ» появилось письмо въ редакцію съ опять таки оффиціальнымъ заявленіемъ, что въ текстѣ резолюціи вкралась описка и вмѣсто «полной національной автономіи» имѣлась въ виду только автономія въ вопросахъ языка и «культуры». Какъ могла получиться такая „описка“, охватывающая чуть ли не всю пропасть между бундизмомъ и нынѣшнимъ сеймизмомъ, это опять «странность», тоже какъ ни какъ говоря-

щая объ одновременномъ присутствіи двухъ несовмѣстимыхъ желаній—съ одной стороны, дать „полный" отвѣтъ и тѣмъ убить сіонизмъ, а съ другой стороны — елико возможно затушевать свою націоналистическую ересь. Однако самымъ яркимъ выраженіемъ этой борьбы ангела съ діаволомъ и даже побѣды ангела является вторая часть резолюціи, которая, слава Богу, имѣется въ одной и безспорно истинной редакціи. Вотъ она:

> Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленій угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму.

Закрывъ глаза, можно по этому отрывку опредѣлить весь, такъ сказать, химическій составъ IV съѣзда. Въ этомъ составѣ, очевидно, переплелись тѣ же двѣ несоединимыя тенденціи — сдѣлать и не показать виду, провозгласить и задушить, дать и скрыть. «Дать» было необходимо ради борьбы съ конкуррентомъ, и въ то же время „дать" значитъ набросить на себя тѣнь не только въ глазахъ партійнаго раввината, но и предъ собственной ассимиляторской совѣстью. И вотъ съ одной стороны „выставляется" автономія, которая съ другой стороны тутъ же заставляется плотными ширмами; съ одной стороны провозглашается, что евреи — нація, съ другой стороны тутъ же предается анаѳемѣ самая естественная въ угнетенной націи вещь—національное чувство, и вообще предлагается поменьше разговаривать обо всѣхъ этихъ опасныхъ и подозрительныхъ предметахъ. Водружается національное знамя, и на немъ начертано: Ohn lerem...

Весь IV съѣздъ выразился въ этомъ отрывкѣ; но въ IV съѣздѣ выразился весь Бундъ съ его духовною робостью, творческимъ безплодіемъ, органической неспособностью къ размаху, къ полнотѣ горизонта. Изъ самой души Бунда вылился мудрый завѣтъ этого съѣзда: поменьше шуму вокругъ національнаго знамени!—и руководители Бунда дѣйствительно сумѣли свято и строго сохранить этотъ завѣтъ. Правда, нападки «Искры» съ одной стороны и критика соціалъ-сіонистовъ съ другой нерѣдко вынуждали бундовскихъ дѣятелей нарушать обѣтъ молчанія устно и въ печати, но по собственной иниціативѣ они его никогда не преступали. Изобрѣтен-

ная ради зубатовскихъ цѣлей и только ради нихъ, національная программа честно содержалась подъ спудомъ и вытаскивалась оттуда лишь тогда, когда этого необходимо требовала борьба съ конкуррентами. Самъ же по себѣ новый національный лозунгъ былъ имъ чуждъ и неудобенъ; вопреки словамъ «Поворотнаго пункта» о политической цѣнности національнаго самосознанія, они пальцемъ о палецъ по собственному почину не ударили для того, чтобы дать массѣ ясное пониманіе дѣйствительнаго положенія и дѣйствительныхъ нуждъ еврейскаго народа. Принципъ «особыхъ интересовъ» былъ провозглашенъ въ 1897-омъ году; 1901 годъ ознаменовался попыткою вложить въ этотъ принципъ нѣкоторое конкретное содержаніе, но съ такой вялой нерѣшительностью, съ такой анемической неполнотою, что принципіальная позиція Бунда, какъ національно-обособленной организаціи. ничего не выиграла, ни на іоту не упрочилась, и основной вопросъ о томъ, во имя чего же, наконецъ, должны быть выдѣлены въ особое замкнутое цѣлое силы еврейскаго пролетаріата, — остался открытымъ.

Прошло два года, и на II съѣздѣ Россійской партіи вопросъ этотъ былъ заданъ Бунду съ исчерпывающей рѣзкостью и прямотою. Отвѣтъ Бунда извѣстенъ: онъ повернулся и ушелъ.

V.

Теперь Бундъ собирается обратно вступить или, быть можетъ, уже вступилъ въ Р. партію; такимъ образомъ, трехлѣтній періодъ бундовскаго изгнанничества отходитъ въ исторію, и мы съ тѣмъ большимъ правомъ можетъ вдуматься въ этотъ поучительный казусъ.

Въ такъ называемой большой публикѣ до сихъ поръ принято думать, что Бундъ развелся съ Р. партіей изъ за его національной программы: Р. партія молъ, ея не признала, высказалась противъ національно-„культурной“ автономіи, и Бунду пришлось или подчиниться, или уйти.—Всякій освѣдомленный человѣкъ, конечно, знаетъ, что это было совсѣмъ не такъ—вопросъ о національной программѣ не игралъ никакой роли въ столкновеніи, рѣчь шла только о національной организаціи еврейскаго пролетаріата. Бундовскіе ораторы въ дискуссіяхъ часто и настойчиво даже напирали на это обстоятельство, утверждая, что сіонисты напрасно раздуваютъ инцидентъ, на самомъ же дѣлѣ разрывъ произошелъ не по принципіальнымъ, а «только» по организаціоннымъ вопросамъ. Но въ томъ-то и суть, что въ данномъ случаѣ организаціонный вопросъ

былъ несравненно важнѣе программнаго, и разрывъ на этомъ пунктѣ неизмѣримо глубже. Въ вопросѣ о «культурной» автономіи можно не столковаться сегодня, но завтра другъ друга переубѣдить; стороны при этомъ взаимно откажутся отъ своихъ заблужденій, но ни одна при этомъ не вынуждена будетъ поступиться въ пользу другой своими реальными правами и интересами. Совсѣмъ другое дѣло организаціонный споръ. Бундъ требовалъ себѣ «единственнаго представительства», т. е. исключительнаго права автономно вести соціалъ-демократическую работу среди еврейскаго пролетаріата всей Россіи, безъ различія мѣстности; если не непосредственно, то въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы органы Р. партіи, самостоятельно ведущіе работу въ еврейской массѣ на югѣ и во внутреннихъ губерніяхъ, мало по малу съ теченіемъ времени передали ее всю въ руки Бунда. Партія же требовала, наоборотъ, чтобы дѣятельность Бунда была ограничена рамками Литвы и Польши, безъ права работать въ остальной части Россіи, да и въ самомъ этомъ бундовскомъ районѣ партійные комитеты имѣли бы полное право вести самостоятельную массовую работу среди еврейскаго пролетаріата; въ конечномъ итогѣ это требованіе сводилось къ тому, чтобы мало по малу забрать себѣ всю еврейскую массу. Иными словами тутъ шла борьба за власть надъ еврейскимъ пролетаріатомъ. Бундъ хотѣлъ сосредоточить ее исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить партію изъ еврейской улицы, т. е. оставить ее при русскихъ рабочихъ; партія хотѣла сосредоточить эту власть непосредственно и исключительно въ своихъ рукахъ и всецѣло вытѣснить изъ еврейской улицы Бундъ, т. е. просто на просто, совершенно и окончательно уничтожить его. Бундъ это прекрасно понялъ (см. «Отчетъ делегаціи Бунда» стр. 13). Слѣдовательно споръ тутъ шелъ о самомъ что ни на есть краеугольномъ принципѣ: быть или не быть особой организаціи еврейскаго пролетаріата?

Только такъ былъ поставленъ вопросъ. Но подъ нимъ-то, конечно, и скрывался другой, еще болѣе основной: существуютъ ли такія спеціально-еврейскія задачи, которыя дѣлали бы необходимой особую организацію?

Бундовскій докладчикъ г. Либеръ попытался на съѣздѣ обосновать эту необходимость, но, по моему, насколько явствуетъ изъ стенографическаго отчета, неудовлетворительно. Гораздо болѣе удачную формулировку нашелъ я въ брошюрѣ «П. П. С.» о еврейскомъ

рабочемъ движеніи». Эта брошюра относится приблизительно къ тому-же времени, издана центральнымъ комитетомъ Бунда и кратко резюмируетъ, кажется, всѣ тогдашніе аргументы въ защиту бундовской организаціонной позиціи. Резюмэ это гласитъ такъ:

> Еврейскій пролетаріатъ не составляетъ только „часть" польско-литовскаго пролетаріата, но, какъ и пролетаріатъ другихъ національностей, онъ—*самостоятельный* членъ всемірной семьи пролетаріевъ, членъ, имѣющій свои индивидуальныя, исторически сложившіяся особенности. Онъ долженъ по своему вести борьбу за идеалъ интернаціональнаго пролетаріата, за соціализмъ. Еврейскій пролетар атъ встрѣчаетъ въ своей классовой борьбѣ препятствія, которыхъ не знаетъ пролетаріатъ другихъ націй. Эти препятстія можетъ установить только самъ еврейскій пролетаріатъ, и въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ свои собственныя ближайшія историческія задачи. Чтобы разрѣшить эти задачи, еврейскій пролетаріатъ долженъ образовать отдѣльную революціонную организацію, сложиться въ самостоятельную политическую силу (стр. 8).

Такова была обычная бундовская мотивировка, съ которой еще до съѣзда были знакомы противники Бунда и съ которой они считались на съѣздѣ. И считались въ рѣзко отрицательномъ смыслѣ. Ихъ аргументація сводилась къ тому, что доводы Бунда совершенно не оправдываютъ организаціоннаго обособленія: если даже есть особыя задачи вродѣ равноправія или, наконецъ, «культурныхъ» правъ, то вѣдь еврейскій пролетаріатъ ничего не добьется безъ поддержки русскаго,— а для того, чтобы обезпечить эту поддержку, надо именно слиться съ русскимъ пролетаріатомъ, и т. д. Привести всѣ характерныя цитаты изъ преній значило бы перепечатать нѣсколько страницъ мелкой печати; я даю здѣсь только нѣкоторыя:

Изъ рѣчи делегата Руссова:

> Въ рѣчи товарища докладчика промелькнула другая принципіальная причина существованія особой организаціи еврейскаго пролетаріата. Онъ все время говорилъ о Бундѣ, какъ о представителѣ еврейскаго пролетаріата въ Партіи. Такое особое представительство имѣло бы смыслъ, если бы мы допустили мысль, что интересы еврейскаго пролетаріата, хотя бы въ одномъ пунктѣ, противорѣчатъ интересамъ пролетаріевъ другихъ національностей Россіи *).

Изъ рѣчи делегата Бекова:

> Здѣсь приводилось соображеніе, что основаніемъ отдѣльнаго существованія Бунда, какъ національной организаціи, явля-

*) Стенографическій протоколъ II съѣзда Р. С.-Д. Р. П. стр. 67.

ется: 1) различіе соотношенія общественныхъ силъ и 2) различіе правовыхъ условій. На первомъ соображеніи Либеръ не останавливался, онъ указалъ только на отсутствіе среди евреевъ крестьянства и дворя ства. Но какъ отсюда перейти къ существованію особой національной организаціи? На 2-ое соображеніе достаточно возражали вчера. Напомню только, что всякая соціалъ-демократія борется противъ всякаго гнета, то же, слѣдовательно, дѣлаетъ и Россійская соціалъ-демократія *).

Эта мысль дополняется въ рѣчи делегата Ленина:

Недовѣріе сквозитъ во всѣхъ предложеніяхъ и во всѣхъ разсужденіяхъ бундовцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, борьба за полную равноправность и даже за признаніе права націи на самоопредѣленіе не составляетъ обязанности всей нашей Партіи? Слѣдовательно.. **).

Изъ рѣчи делегата Егорова:

Правда, вы не выдвигаете здѣсь сохраненія національности, какъ принципъ, но, можетъ быть, потому, что вы вобще не дали намъ никакихъ принципіальныхъ соображеній. Ваша ссылка на особую группировку общественныхъ силъ не даетъ никакого права на особое существованіе Бунда *).

Въ особенности этотъ послѣдній отрывокъ даетъ какъ бы резюмэ главному аргументу антибундовскаго большинства: «вы не дали намъ никакихъ принципіальныхъ соображеній». Послѣ двухлѣтней полемики въ печати, послѣ доклада и бундовскихъ рѣчей на самомъ съѣздѣ, противники всетаки не знаютъ, *ради чего* бундовцамъ нужна особая организація. Имъ до сихъ поръ не сумѣли это объяснить. И къ этому и сводится вся ситуація съѣзда. Партія спрашиваетъ: можете ли вы, наконецъ, дать намъ ясный и вполнѣ удовлетворяющій отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключается эти абсолютно особые интересы еврейскаго пролетаріата, ибо только наличность абсолютно-особыхъ задачъ оправдываетъ организаціонное обособленіе на одной и той же территоріи?—Бундъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ молчаніемъ. Партія говоритъ: въ такомъ случаѣ или откажитесь отъ принципа особой организаціи, или уйдите. — Бундъ отвѣчаетъ на это выходомъ изъ партіи.

Почему Бундъ не отвѣтилъ и не могъ отвѣтить на первый вопросъ, это для насъ уже ясно: единственнымъ удовлетворяющимъ

---

*) Тамъ же, стр. 81.
*) Стр. 91—92.
**) Стр. 96.

отвѣтомъ былъ бы тотъ, противъ котораго Бундъ всѣми силами боролся. Но почему Бундъ не сдался и предпочелъ уйти?

Ясно даже a priori, что Бунду очень должно было не хотѣться уходить. Дорожа больше всего на свѣтѣ своимъ престижемъ у еврейской рабочей среды, руководители Бунда не могли не опасаться, что разрывъ съ партіей поколеблетъ ихъ престижъ. Споря съ сіонистами, которые «пытались посѣять недовѣріе между еврейскимъ и русскимъ пролетаріатомъ», бундовскіе вожаки утверждали, что именно въ лонѣ россійской соціалъ-демократіи встрѣтитъ еврейскій рабочій полное признаніе всѣхъ своихъ потребностей. Разрывъ съ партіей неминуемо долженъ былъ поставить предъ массой, которая всегда судитъ съ дѣтской прямолинейностью, слѣдующій вопросъ: одно изъ двухъ—или россійская соціалъ-демократія вовсе не намѣрена считаться съ нашими потребностями, или наши руководители неправильно толкуютъ наши потребности. И тотъ, и другой выводъ одинаково непріятно долженъ былъ рисоваться бундовскому самолюбію, и всякій, кому хоть по наслышкѣ знакомы совершеннно исключительные размѣры этого поистинѣ огромнѣйшаго изъ всѣхъ партійныхъ самолюбій, легко можетъ себѣ представить, до чего предводителямъ Бунда хотѣлось сохранить хотя бы самый худой миръ съ партіей. Въ дѣйствительности это настроеніе выразилось въ такихъ формахъ, которыя говорятъ о прямо-таки страстномъ желаніи поладить, о прямо-таки паническомъ страхѣ предъ разрывомъ. Делегація Бунда ради сохраненія мира три раза рискнула нарушить свои полномочія — и это при знаменитой бундовской дисциплинѣ! Но лучше всего будетъ напомнить читателю собственный разсказъ этой делегаціи о ея грѣхопаденіяхъ.

Первое грѣхопаденіе:

> ...Этимъ рѣшеніемъ мы, конечно, нарушили волю нашего съѣзда, поручившаго намъ защищать проектъ устава въ цѣломъ, но мы считали необходимымъ сдѣлать все возможное для предупрежденія разрыва и уступать до послѣдней возможности *).

Второе:

> Въ виду крайне враждебнаго настроенія противъ Бунда, обнаруживающагося во время дебатовъ по поводу нашего проекта, мы рѣшили сдѣлать дальнѣйшую уступку. Мы рѣшили...

---

*) Отчетъ делегаціи Бунда о II съѣздѣ Р. П., стр. 7.

вторично нарушить полномочія съѣзда, предъявивъ только нѣкоторые пункты ультиматума *).

Третье:

...Послѣ принятія резолюціи Мартова мы, на основаніи полученныхъ нами отъ нашего съѣзда полномочій, должны были объявить, что Бундъ выходитъ изъ Партіи... Мы рѣшили въ третій разъ нарушить полномочія нашего съѣзда и ждать, пока...**).

Комментаріи излишни. Но почему же Бундъ всетаки ушелъ?

Для насъ, сіонистовъ, *этотъ* вопросъ былъ еще важнѣе, чѣмъ для Бунда. Можно смѣло сказать, что духъ сіонизма виталъ въ этотъ день надъ собраніемъ и тревожно ждалъ исхода борьбы — не борьбы между Бундомъ и партіей, а внутренней борьбы въ душѣ бундовскихъ представителей между разрывомъ и капитуляціей. Ибо одно мы, сіонисты, всегда признавали за Бундомъ: это — кровную, коренную, тѣсную связь съ еврейской рабочей массой. И мы хорошо знали, что если Бундъ не всегда правильно руководитъ ею, зато онъ всегда въ основныхъ чертахъ вѣрно отражаетъ ее. Вотъ почему для насъ былъ такъ важенъ отвѣтъ Бунда на вопросъ, быть или не быть еврейской рабочей организаціи: въ отвѣтѣ Бунда косвенно долженъ былъ прозвучать отвѣтъ самой еврейской массы. Мы прекрасно понимали, что въ немедленномъ опредѣленіи конкретнаго содержанія своихъ особыхъ національныхъ задачъ эта масса, поглощенная повседневными трудностями, пока еще не такъ остро нуждается; но осязаетъ ли она самое присутствіе, самую наличность этихъ неопредѣленныхъ задачъ хотя бы настолько, чтобы явственно ощущать полную невозможность, недопустимость безраздѣльнаго растворенія въ чужой организаціи? *Это* было для насъ главное. Мы вѣрили въ то, что еврейство, отъ верху до низу, инстинктивно стремится къ выдѣленію и сплоченію своихъ силъ для національной самодѣятельности, — и Бундъ, съ противоположной окраины народа, долженъ былъ теперь намъ показать, не обманула ли насъ эта вѣра, не явилась ли наша идея, занесенная въ этотъ лагерь авторомъ «Поворотнаго пункта», только мимолетной аберраціей интеллигентскаго ума вожаковъ, чуждой и ненужной для массы?

Бундъ не умѣлъ отвѣтить, во имя чего онъ уходитъ, но онъ ушелъ. Это сохранило его партійную индивидуальность. Бундовцы

---

*) Тамъ же. стр. 15.

**) Тамъ-же, стр. 23

до сихъ поръ искренно вѣрятъ, будто сіонисты издавна желали исчезновенія Бунда. Въ настоящій моментъ оно безспорно такъ: теперь у Бунда есть готовые, болѣе или менѣе подходящіе соціалъ-сіонистическіе наслѣдники, и мы считаемъ весьма необходимымъ, чтобы онъ сошелъ со сцены и уступилъ имъ мѣсто. Но въ 1903 году никто на свѣтѣ не былъ такъ радъ тому, что Бундъ не сдался и сохранилъ свою самостоятельность,—какъ мы, буржуазные сіонисты.

И мы были правы. Дѣйствительно, разрывъ повлекъ за собой важныя послѣдствія. Выходъ изъ партіи былъ новой манифестаціей во славу принципа, который впервые былъ провозглашенъ въ 1897 году фактомъ учрежденія Бунда —принципа особности интересовъ еврейскаго пролетаріата, и повторное провозглашеніе этого принципа, какъ и самый шумъ, поднятый вокругъ спора о національной организаціи, не прошли безслѣдно для сознанія массы. Сколько ни старались вожаки Бунда воздерживаться отъ «раздуванія» національныхъ моментовъ, всѣ эти событія говорили за себя громче всякой агитаціи. Съ непреодолимою силой они привлекли вниманіе рабочихъ къ основному вопросу—о специфическихъ особенностяхъ положенія еврейскаго пролетаріата и о задачахъ, отсюда вытекающихъ. Потребность уяснить себѣ весь вопросъ до конца, поставить точку надъ і—и тогда еще не стала, быть можетъ, насущной и осязательной для всей рабочей массы, но всетаки охватила гораздо болѣе широкіе и глубокіе слои, чѣмъ прежде.

Объективная логика развитія Бунда въ неизмѣримой степени усилила интересъ къ попыткамъ исчерпать, наконецъ, цѣликомъ и безъ утайки загадочное содержаніе «особыхъ интересовъ»,—субъективныя тенденціи вожаковъ Бунда не позволяли ему дать этотъ исчерпывающій отвѣтъ. Изъ такого противорѣчія могъ получиться только одинъ естественный результатъ, и онъ дѣйствительно получился: со второй половины 1903 г. начинается усиленный ростъ рабочаго сіонизма.

Бундовскіе публицисты до сихъ поръ стоятъ на той обывательской точкѣ зрѣнія, что пролетарскій сіонизмъ есть исключительно, такъ сказать, плодъ преступной пропаганды: пришли буржуазные сіонисты, надѣли «маску», «насадили групшки» и т. д. На самомъ дѣлѣ все это произошло, конечно, иначе. Попытки «насадить» рабочій сіонизмъ сверху были, но онѣ всегда кончались неудачей, а возникъ онъ снизу. Абсолютнаго самозарожденія въ соціальной области, конечно, не бываетъ, и я въ началѣ этого очерка уже говорилъ о томъ, что массы не создаютъ идей, а только воспринима-

ютъ и приспособляютъ ихъ. Но этотъ процессъ воспріятія и приспособленія совершается не посредствомъ искусственной прививки, а путемъ самостоятельной иниціативы снизу, вѣрнѣе—путемъ множества иниціативъ, множества разрозненныхъ попытокъ изъ среды самой массы. Въ этомъ смыслѣ крупныя народныя движенія дѣйствительно самозарождаются; въ этомъ смыслѣ самозародился и рабочій сіонизмъ. Сіонистическая редакція, въ которой я работалъ въ 1904 году, получала изъ разныхъ концовъ въ несмѣтномъ числѣ неграмотно и коряво написанныя жалобы на то, что есть рабочая группа, но нѣтъ ни руководителя, ни брошюръ, и нельзя ли выписать «студента». Безъ интеллигенціи, безъ литературы, окруженный сильными противниками, въ атмосферѣ постоянныхъ дискуссій, рабочій сіонизмъ ощупью пробивалъ себѣ дорогу, ощупью искалъ своихъ теоретиковъ, ощупью вырабатывалъ и развивалъ свою тактику.

Въ началѣ этого столѣтія, когда вожаки Бунда открыли свою кампанію противъ сіонизма, онъ совершенно не имѣлъ сторонниковъ среди рабочей массы; въ началѣ 1905 года была учреждена „Сіонистско-Соціалистическая Рабочая Партія“, которую можно оцѣнивать и такъ и этакъ, но быстраго роста которой нельзя отрицать. При этомъ особенно характерно именно то, что она выставила лозунгъ территоріализма: лозунгъ этотъ, наглядно говорившій о необходимости разрыва съ голусомъ сейчасъ же, сію минуту, представлялъ изъ себя въ сущности еще болѣе рѣзкое отрицаніе бундовской „любви къ отечеству“, чѣмъ не столь торопливый палестинскій сіонизмъ. Руководители Бунда оказали бы самимъ себѣ огромную услугу въ смыслѣ уясненія собственной исторической роли, если бы они попытались объективно оцѣнить и понять этотъ яркій результатъ ихъ долголѣтней и отчаянной кампаніи.

Авторъ не принадлежитъ къ сторонникамъ пролетарскаго сіонизма и далеко не переоцѣниваетъ ту пользу, какую можетъ еврейская рабочая масса принести развитію сіонистическаго движенія или осуществленію конечной его цѣли. Но и при самомъ сдержанномъ отношеніи къ рабочему сіонизму только изъ слѣпоты или изъ упорства можно не видѣть, что его породила сама логика событій.

Выходъ Бунда изъ Россійской партіи былъ только послѣднимъ звеномъ въ этой логической цѣпи: первымъ звеномъ было появленіе самого Бунда. Эволюція Бунда привела еврейское рабочее движеніе къ тому самому руслу, изъ котораго она за десять лѣтъ до того почерпнула свое начало.

VII.

Бундъ, какъ національная партія, взялъ на себя задачу искоренения сіонизма; жизнь его же руками создала обратный результатъ. Бунду выпалъ удѣлъ, вообще нерѣдко достающійся на долю политическимъ партіямъ,—развиваться въ субъективномъ антагонизмѣ съ объективными тенденціями собственнаго развитія, идти на буксирѣ у собственной судьбы нехотя и упираясь. Повторяю, такой удѣлъ нерѣдко выпадаетъ политическимъ партіямъ, и не одной изъ нихъ приходилось въ концѣ своей дѣятельности убѣдиться, что она все время работала въ сущности на тѣхъ, съ кѣмъ хотѣла бороться. Это, собственно говоря, неизбѣжная судьба всѣхъ не-революціонныхъ партій—понимая революцію не въ смыслѣ насильственнаго переворота, а вообще въ смыслѣ полнаго искорененія самой первоосновы даннаго соціальнаго зла. Партіи, не стремящіяся къ этому устраненію вредоноснаго корня, согласныя удовлетвориться въ данной области частичными поправками, такія партіи полумѣръ и полдороги всегда роковымъ образомъ впадаютъ въ противорѣчіе съ собственными намѣреніями. И это внутреннее противорѣчіе налагаетъ на все ихъ развитіе особый болѣзненный отпечатокъ. Такъ какъ истиннымъ рѣшеніемъ вопроса можетъ быть только революціонное рѣшеніе, имъ приходится инстинктивно бояться полной правды, и это не даетъ имъ развиваться полнокровно и свободно. Это заставляетъ ихъ съеживаться, сокращаться, избѣгать углубленія въ вопросы, уклоняться отъ точекъ надъ і—изъ безсознательнаго опасенія проговориться, опровергнуть самихъ себя, наскочить на опасный выводъ. Боязнь правды неминуемо порождаетъ духовное безплодіе. И во всей исторіи народныхъ движеній, быть можетъ, не найдется болѣе яркаго примѣра этого безплодія, чѣмъ примѣръ Бунда.

Въ національномъ отношеніи Бундъ не можетъ быть признанъ революціонной партіей. Наоборотъ. Первоосновой *специфическихъ* страданій еврейскаго народа является его экстерриторіальность. Этого до сихъ поръ не отрицалъ, кажется, никто на свѣтѣ. Поэтому единственнымъ путемъ для *коренного* уничтоженія этихъ специфическихъ страданій логически представляется территоріализація еврейства. Можно считать ее несбыточной, это другое дѣло,—но принципіально въ этомъ отвѣтѣ и только въ немъ содержится полное, т. е. революціонное рѣшеніе еврейскаго вопроса. Еще, пожалуй, нѣкоторое подобіе внѣшней революціонности заключается въ

обратномъ отвѣтѣ ассимилятора: уничтоженіе самого еврейства. Бундовскій путь есть безспорно путь принципіальнаго, завѣдомаго компромиса. Было время, когда Бундъ это отрицалъ, когда ораторы его провозглашали, что порядочному народу вообще не нужна территорія, что надо экстерриторіализовать всѣ націи на свѣтѣ и ради одной безхвостой лисицы обрубить хвосты всему звѣриному царству. Въ этомъ была хоть революціонность краснаго словца: видно было желаніе выдержать стиль, сохранить революціонную щеголеватость съ ногъ до головы, замазать оппортунистическую прорѣху красными чернилами. Теперь Бундъ, очевидно, больше на этомъ не настаиваетъ: его публицисты открыто признаютъ себя оппортунистами въ національномъ вопросѣ *). Это уже звучитъ нѣкотораго рода политическимъ цинизмомъ, безспорно, по моему, знаменующимъ упадокъ внутренняго паѳоса въ партіи, зарожденіе характерной для опустившагося джентльмэна неряшливости, пониженіе требовательности къ самимъ себѣ. Но, какъ бы то ни было, самъ Бундъ признаетъ себя не-революціоннымъ въ области національнаго вопроса. Намъ остается только прибавить: *весьма* не-революціоннымъ, быть можетъ даже скорѣе анти-революціоннымъ. Ибо надо вспомнить, для *какого* зла предлагалъ Бундъ свои полумѣры. У человѣчества есть вопросы куда важнѣе еврейскаго, потому что еврейскій вопросъ касается горсти въ 10 милліоновъ душъ; но въ исторіи нѣтъ вопроса болѣе мучительнаго, связаннаго съ большимъ количествомъ неслыханныхъ человѣческихъ страданій. На *такой* вопросъ дать такой игрушечный отвѣтъ, какой выдвинутъ Бундомъ (автономія школъ), да еще и надъ этимъ жалкимъ рецептомъ малодушно растянуть густое покрывало замалчиванія,—это значило проявить верхъ, апогей, удесятеренную степень не-революціонности. Вотъ почему та печать духовнаго безплодія, которая ложится неминуемо на всѣ партіи полдороги, вдесятеро ярче выражена въ Бундѣ.

Стало ходячей истиной, что Бундъ не создалъ теоретиковъ. Г-нъ К. К. въ № 4 заграничной «Зари», въ общемъ очень благосклонный къ Бунду критикъ, объяснилъ эту черту недостаточной подготовленностью бундовскихъ руководителей. Я полагаю, что это не объясненіе. Уровень еврейской революціонерской учености вообще не Богъ вѣсть какъ высокъ, почти все стряпается домашними средствами, да оно и не могло быть иначе по всѣмъ условіямъ россійско-

*) „Наше Слово“, 7, ст. г. Гейликмана, стр 19—20.

еврейскаго быта. Но въ предѣлахъ этого общаго уровня вожаки Бунда врядъ-ли много уступаютъ въ начитанности, интеллигентности и даровитостисвоимъ противникамъ изъ лагеря с. с., поалэ-Ціонъ и сеймовцевъ. Во всякомъ случаѣ не въ этомъ пунктѣ лежитъ разгадка той странности, что при сравненіи литературы Бунда съ гораздо болѣе юной литературой рабочаго сіонизма буквально поражаетъ культурное превосходство послѣдняго въ разнообразіи и выборѣ темъ, въ использованіи источниковъ, въ смѣлости анализа и обобщенія. Настоящій ученый, вѣроятно, призналъ бы многое въ теоретическомъ матеріалѣ пролетарскаго сіонизма незрѣлымъ и неустойчивымъ, но не могъ бы не оцѣнить по достоинству тотъ испытующій духъ изслѣдованія, углубленія, освѣщенія запутанной еврейской дѣйствительности, который повелъ къ созданію всего этого матеріала. И вовсе не въ какой-то случайно большей подготовленности, а именно въ этомъ испытующемъ духѣ, въ этой жаждѣ правды до конца лежитъ причина разницы между культурно-теоретическимъ уровнемъ Бунда и его соперниковъ. Имъ правда нужна, Бунду она неудобна; они поэтому инстинктивно тянутся къ ней, роются и копаются въ фактахъ и цифрахъ еврейской улицы, обнажаютъ и подчеркиваютъ всѣ ея раны и трещины, — Бундъ молчитъ и инстинктивно сторонится отъ изученія реальной жизни. Его литература носитъ исключительно политическій и соціалистическій характеръ, т. е. пересказываетъ въ доступной формѣ заграничные и русскіе шаблоны, безспорно полезные, но ничуть не самостоятельные. Самостоятельно-творческихъ попытокъ у Бунда не было и нѣтъ. Онъ—единственная изъ соціалистическихъ партій міра, не ударившая пальцемъ о палецъ ни для изученія соціально-хозяйственной среды, въ которой вращается руководимый ею пролетаріатъ, ни даже для выясненія элементарной статики и динамики этого пролетаріата—его профессіональнаго состава, его численности, его передвиженій. Потому что изученіе ведетъ къ познанію горькой истины, потому что теоретизированіе по самой природѣ своей требуетъ безпредѣльной логической свободы, полнаго права доходить отъ первыхъ посылокъ до послѣднихъ выводовъ. Этой свободы, этого права Бундъ не давалъ; страстное желаніе во что бы то ни стало избѣжать сіонистическаго отвѣта уродовало его мысль; надъ его публицистами тяготѣлъ постоянный запретъ—граница, дальше которой не позволено идти и къ которой даже не велѣно приближаться; садясь за письменный столъ, они имѣли предъ собою наказъ лавировать отселева доселева, ѣхать и

не доѣзжать. Имъ нельзя было изслѣдовать, имъ необходимо было замалчивать.

И они замалчивали все, въ чемъ только была правда. Еще на IV съѣздѣ въ 1901 году Бундъ принялъ резолюцію объ осторожномъ отношеніи къ экономическимъ стачкамъ: уже тогда стало понятно, что еврейское хозяйство не даетъ простора для классовой борьбы, что еврейскій рабочій долженъ считаться не съ собственными силами, а съ платежеспособностью своего эксплуататора. Но гдѣ-же выводы изъ этого наблюденія, въ сущности вскрывшаго одинъ изъ основныхъ признаковъ еврейской ненормальности? Ихъ замолчали.—Въ томъ самомъ Бѣлостокѣ, гдѣ впослѣдствіи при участіи арійскаго пролетаріата разразился звѣрскій погромъ, уже давно происходили столкновенія между еврейскими и нееврейскими рабочими на почвѣ вытѣсненія евреевъ; въ самой бундовской литературѣ проскальзываютъ неоднократныя упоминанія о подобныхъ фактахъ, но гдѣ выводы? Ихъ замолчали, какъ замалчивали антисемитизмъ, какъ замалчивали все, что вело къ углубленію еврейскаго вопроса.—И, наконецъ, замалчивали эмиграцію. Партія, блюдущая всѣ интересы еврейскаго пролетаріата, игнорировала массовое бѣгство еврейскихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ; партія, молящаяся богамъ историческаго матеріализма, который подчиняетъ политическіе моменты экономическимъ, отдѣлывалась упованіемъ на то, что русская революція уничтожитъ эмиграцію; партія, санкціонирующая областныя и національныя различія вплоть до признанія федераціи, видѣла рѣшеніе вопроса въ отмѣнѣ черты осѣдлости, не замѣчая, что это есть опять таки право на эмиграцію въ чуждую среду, т. е. status quo ante. Это былъ систематическій и развязный обходъ всѣхъ серьезныхъ вопросовъ, необходимыхъ для уясненія еврейской дѣйствительности,—настоящій, безпримѣрный и непростительный культъ народной темноты и несознательности именно въ томъ отношеніи, въ которомъ особенно важно было достигнуть полной ясности.

Но въ сокровищницѣ бундовскаго творчества есть пункты еще менѣе похвальные, чѣмъ простое замалчиваніе правды. На попытки анализа еврейской экономики со стороны соціалъ-сіонистовъ Бундъ не преминулъ отозваться нѣсколькими брошюрами опровержительнаго характера. Я не займусь разборомъ всѣхъ этихъ сочиненій вродѣ «Poale-Zion un seiere teories» (г. Лону), „Мелко-буржуазнаго соціализма“, «Соціалистическихъ фракцій въ сіонизмѣ» и т. п.—предоставляю это развлеченіе тѣмъ, до кого они прямо касаются;

укажу только мимоходомъ, что эти статьи не могутъ претендовать на роль «изслѣдованій», да врядъ-ли сами бундовцы приписываютъ имъ эту роль. Въ нихъ не только нѣтъ самостоятельныхъ выводовъ и свѣжаго матеріала—въ нихъ даже нѣтъ субъективныхъ моментовъ настоящаго изслѣдованія, нѣтъ осторожности, вдумчивости, нѣтъ исканія—ничего, кромѣ опроверженій. Такъ и чувствуется, что авторы считаютъ своей задачей только разбить чужіе выводы, но ничуть не пекутся о собственной серьезной разработкѣ вопроса. И благодаря этой исключительной тенденціи—опровергнуть и больше ничего, эта серія бундовской литературы вся получила какой-то сплошной, неумѣренный, до непристойности, до безвкусія оптимистическій тонъ. Я считаю еврейскую экономику еще не изслѣдованной и готовъ предположить, что въ анализѣ соціалъ-сіонистовъ возможны преувеличенія по части черныхъ красокъ. Но вѣдь это далеко не то самое, что пересаливать въ сторону розовыхъ перспективъ. Между тѣмъ у бундовскихъ полемистовъ даже нѣтъ пересола—у нихъ просто и только одно безпримѣсное ликованіе и славословіе. Пройдетъ революція, будетъ все хорошо, антисемитизмъ стушуется *), вытѣсненіе прекратится, «еврейскій ремесленникъ и лавочникъ сможетъ чувствовать себя совсѣмъ недурно» **); - да и теперь въ сущности вовсе не такъ плохо—еврейскій капиталъ помаленьку ростетъ ***), еврейскій пролетаріатъ понемножку занимаетъ сытныя позиціи ****)—словомъ, на Шипкѣ все спокойно...

Повторяю, можно было признать выводы соціалъ-сіонистовъ неосторожными, поспѣшными, непровѣренными, и предпринять болѣе основательное изслѣдованіе нашего народнаго положенія. Но сулить голоднымъ людямъ золотыя горы, обѣщать имъ чуть-ли не полный рай, усыплять въ нихъ всякую пытливость передъ вопросами антисемитизма, вытѣсненія и т. п.—вопросами, во всякомъ случаѣ, великой сложности, съ которыми только верхоглядство можетъ начисто раздѣлаться однимъ кляксомъ, однимъ „опроверженіемъ“, - проповѣдывать темной массѣ отказъ отъ всякихъ сомнѣній и полную вѣру въ добраго сосѣда,—вѣдь на все это надо имѣть нравственное право. Если мы, сіонисты, даже преувеличивали бы въ нашемъ пессимизмѣ, то вѣдь мы опираемся на опытъ страдальческихъ тысячелѣ-

*) Kleinbirgerlicher Sozialismus стр. 16.
**) Соц. фракціи въ сіонизмѣ, стр. 115.
***) Kl. Soz., стр. 11.
****) Там-же, passim; «Соц. фр », passim.

тій, на примѣры нынѣшней Галиціи, Франціи, Германіи; мы, наконецъ, зовемъ народъ къ осторожности, къ самоопредѣленію—все это принесетъ ему пользу, даже если мы окажемся неправы. Но во имя какихъ примѣровъ, въ силу чьего опыта, на основаніи какихъ данныхъ предсказываютъ эти люди еврейскому народу никогда еще невиданныя блага? По какому праву ручаются они ему за прекращеніе травли и вражды, призывая тѣмъ самымъ къ національному разоруженію, чтобы завтра новая буря захватила насъ беззащитными и неготовыми? Прежде чѣмъ рѣшиться на одну сотую долю тѣхъ обѣщаній, которыми эти пастыри обольщаютъ измученную народную массу, надо было создать науку вопроса, разработать нетронутые источники, найти въ глубинѣ исторіи строго-провѣренныя аналогіи,—надо было пережить надъ этой проблемой всѣ муки испытующей совѣсти, въ тишинѣ работать десятки лѣтъ, прежде чѣмъ выйти на улицу съ радостной вѣстью о близкомъ пришествіи мира на землю. Гдѣ это все? Гдѣ слѣды хоть легкаго колебанія передъ тѣмъ, какъ эти господа на тысячу ладовъ запѣли свою ликующую пѣсню, которую талантливый варшавскій памфлетъ такъ мѣтко и убійственно заклеймилъ ея настоящимъ названіемъ—Маюфесъ?

Мы, сіонисты, тоже обѣщаемъ еврейскому народу лучшую жизнь, но мы ставимъ это въ зависимость отъ его собственной воли. «Wenn ihr wollt, ist das kein Märchen». Эти-же люди хорошо знаютъ, что въ ихъ розовой перспективѣ рѣшающая роль принадлежитъ чужой, внѣеврейской волѣ, волѣ гоя и волѣ голуса,—и *за нее* даютъ они ручательство, отъ *ея* имени даютъ обѣщанія. Пусть мнѣ простятъ рѣзкость моихъ выраженій, но во всемъ этомъ не чуется ни добросовѣстнаго отношенія къ слову, ни честнаго отношенія къ народному горю—ничего, кромѣ ослѣпляющаго паническаго ужаса передъ голою правдой.

Заграницей, когда партія теряетъ подъ собой идейную почву, она начинаетъ подкупать своихъ избирателей. Съ каждымъ днемъ все больше и больше Бундъ становится на эту дорогу. Все положительное, что было на его знамени, въ болѣе полной формѣ вошло въ лозунги его новыхъ соперниковъ: они его включаютъ, и тѣмъ самымъ они исключаютъ его. Подкупъ, подкупъ не деньгами, а посулами сталъ для него теперь единственнымъ средствомъ борьбы. Кромѣ обѣщаній, онъ ничего, ни одного положительнаго момента не можетъ выдвинуть противъ сіонизма. Бундъ, какъ таковой, изжилъ свои положительныя цѣнности. Малѣйшій его шагъ впередъ будетъ

теперь уже явной капитуляціей передъ той или иной изъ вѣтвей рабочаго сіонизма, будетъ отрицаніемъ Бунда. Оставаясь самимъ собою, Бундъ обреченъ на застой, ему больше нечѣмъ жить, не во что развиваться.

Это, конечно, не значитъ, что Бундъ распадется на-дняхъ. Бундъ еще можетъ бодро простоять цѣлый десятокъ лѣтъ и даже выдержать при этомъ два-три неизбѣжныхъ кризиса безъ вреда для своей цѣлости. Ему отчасти полезно время, въ которое мы живемъ. Оно не даетъ сосредоточиваться, не даетъ доискиваться полныхъ отвѣтовъ и послѣднихъ рѣшеній. Оно благопріятствуетъ партіямъ съ расплывчатыми программами, включающими все и не заключающими ничего. Таковы кадеты, таковъ и Бундъ. Кадетамъ еще долго обезпеченъ успѣхъ, потому что они сумѣли выхватить изъ общественнаго настроенія всѣ главные лозунги, «смѣло» выдвинувъ совершенно безспорные и ловко «смягчивъ» тѣ, отъ которыхъ еще все-таки могло покоробить людей изъ вліятельнаго меньшинства. И потому за ними идутъ всѣ, кому неохота продумать вопросы до конца, а такихъ теперь много. Сила Бунда въ томъ же секретѣ: онъ даетъ все —тѣмъ, кому многаго не нужно. Кто изъ еврейской молодежи теперь не соціалистъ и не націоналистъ? Рѣшить національную проблему кореннымъ образомъ, безпощадно и безповоротно разорвать старыя иллюзіи и симпатіи—на это не всякій готовъ, да и время не подходящее для рѣшенія спорныхъ проблемъ. И люди идутъ къ Бунду именно потому, что въ этомъ спорномъ вопросѣ онъ васъ ни къ чему не обязываетъ, ни отъ чего не отрываетъ,—идутъ и еще будутъ идти, и не разъ еще дадутъ Бунду количественную силу. Но уже внутренней силы, идейнаго паѳоса они Бунду не дадутъ, и первое мѣсто на еврейской политической аренѣ уйдетъ отъ него навсегда. А въ моментъ, когда россійская жизнь вернется въ колею, и наступитъ ликвидація русскихъ кадетовъ, и другія партіи, партіи полнаго отвѣта, раздѣлятъ между собою послѣдніе остатки кадетской рати,—та же судьба совершится и надъ кадетами еврейскаго пролетаріата.

Я говорю объ этомъ довольно безстрастно. Я не увижу въ этомъ ни проигрыша, ни большого выигрыша. Какъ національная партія, Бундъ уже сдѣлалъ свое дѣло: новаго слова онъ не принесъ—кромѣ сіонистическаго лозунга авто-эмансипаціи —духу народа, въ смыслѣ идейнаго творчества, ничего не далъ и не оставилъ,—но въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ политической активности и физиче-

скаго мужества, онъ несомнѣнно поднялъ «духъ» еврейской рабочей массы и чрезъ нее всего народа, и записалъ этимъ въ нашей исторіи блестящія страницы героизма, предъ которыми безумно было бы не преклониться съ уваженіемъ и благодарностью. Но это уже сдѣлано; больше у Бунда ничего нѣтъ за душой, и въ немъ больше нѣтъ никакой соціальной надобности.

Съ другой стороны и выигрыша не надо переоцѣнивать, если даже учесть ту вѣроятность, что къ тому времени соціалъ-сіонистическія партіи примутъ болѣе зрѣлую форму, нежели теперь.

День, когда еврейскій пролетаріатъ цѣликомъ примкнетъ къ сіонизму, будетъ имѣть для насъ, конечно, большое моральное значеніе; но до сихъ поръ еще открытымъ остается вопросъ, въ какой мѣрѣ этотъ слой еврейскаго народа располагаетъ тѣми реальными силами, которыя нужны для активнаго участія въ созданіи еврейскаго общежитія; что же касается до пассивнаго участія—въ качествѣ эмиграціоннаго матеріала для заселенія уже готовыхъ позицій,—то для этой цѣли въ почти не меньшей степени пригодился бы, подъ давленіемъ чисто-матеріальныхъ стимуловъ, и не-сіонистическій, и даже антисіонистическій пролетаріатъ. Можно, конечно, не безъ основанія разсчитывать на повышенную жертвоспособность этого класса, которая дастъ намъ піонеровъ, но, во всякомъ случаѣ, все это еще гадательно. И если насъ все таки радуетъ перспектива конечной сіонизаціи еврейской рабочей массы, то не столько ради практическихъ выгодъ сіонизма, сколько ради самой этой массы. Авторъ «Поворотнаго пункта» когда-то сказалъ: „Рабочій классъ, который мирится съ долею низшаго племени, не возстанетъ и противъ доли низшаго класса“. Наше сомнѣніе въ реальномъ вѣсѣ еврейскаго пролетаріата не мѣшаетъ намъ цѣнить его боевой духъ, и въ силу этого чувства мы дѣйствительно вѣримъ, что, наоборотъ, рабочій классъ, который возсталъ противъ доли низшаго класса, не примирится и съ долей низшаго племени.

VIII.

Въ началѣ этого очерка я привелъ бундовскій афоризмъ о томъ, что сіонизмъ и Бундъ порождены однѣми и тѣми же причинами, и замѣтилъ, что я нахожу эту формулировку неправильной. Я полагаю, что родственная связь между обоими теченіями должна быть опредѣлена иначе.

Эволюція данной партіи есть эволюція данной идеи. Что же это была за идея, которая объективно эволюціонировала подъ формами эволюціи Бунда?

Отдѣльный человѣкъ можетъ иногда усвоить опредѣленный идеалъ сразу, въ одинъ пріемъ. Массы на это по самой своей природѣ неспособны. Правда, идеалъ иногда можетъ издалека очаровать ихъ фантазію, но лишь какъ безплодная и безплотная мечта, совершенно не связанная съ жизнью. Активная связь между массами и идеаломъ возможна только тогда, когда массы постепенно подготовлены къ его полному воспріятію. Эта постепенная подготовка носитъ, такъ сказать, соціально-педагогическій характеръ: она осуществляется въ формѣ послѣдовательныхъ этаповъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ значеніе нагляднаго урока и наглядно вводитъ въ сознаніе массъ основные элементы идеала. Жизнь при этомъ поступаетъ, какъ опытный педагогъ или пропагандистъ: она располагаетъ эти элементы идеала въ строго-цѣлесообразномъ нарастающемъ порядкѣ, переходя отъ простѣйшихъ ко все болѣе сложнымъ.

Какъ долженъ былъ бы поступить опытный педагогъ или пропагандистъ, если бы хотѣлъ постепенно ввести въ сознаніе своей неподготовленной аудиторіи идею сіонизма? Онъ долженъ былъ бы распредѣлить свой матеріалъ на нѣсколько уроковъ. Первый урокъ онъ долженъ былъ бы посвятить предварительной подготовкѣ слушателей къ самому трактованію вопроса: онъ предложилъ бы имъ усвоить прежде всего необходимость самодѣятельности, т. е. выдѣленія національныхъ задачъ изъ такъ называемаго «общаго дѣла» и національныхъ силъ изъ такъ называемаго «общаго» лагеря. Со второго урока онъ перешелъ бы уже къ выясненію содержанія національныхъ задачъ; здѣсь ему пришлось бы начать съ отрицательныхъ моментовъ сіонизма, т. е. раньше всего установить, что еврейскій народъ объективно не связанъ съ территоріями голуса и находится въ скрытомъ или явномъ состояніи непрерывной миграціи. Только послѣ этого третій урокъ могъ бы быть посвященъ положительнымъ моментамъ—абстрактному принципу территоріализаціи разсѣяннаго народа, т. е. территоріализму въ его простѣйшей формѣ. Четвертый урокъ, наконецъ, заключался бы въ конкретизаціи территоріи; пятый—въ выработкѣ методовъ.

Такъ долженъ былъ бы взяться за дѣло педагогъ или пропогандистъ, и именно такъ на нашихъ глазахъ ведетъ дѣло жизнь въ еврейской рабочей массѣ. Наблюдая эволюцію еврейскаго рабоча-

го движенія, мы уже прослѣдили этапы выдѣленія національныхъ силъ и провозглашенія наличности національныхъ задачъ. Послѣ того, какъ 1903 годъ окончательно подтвердилъ прочную усвоенность этого перваго урока, жизнь выдвигаетъ доктрину сіонистовъ-соціалистовъ съ ихъ исключительнымъ вниманіемъ къ эмиграціи, съ ихъ упрощеннымъ и голымъ территоріализмомъ, какъ будто нарочно очищеннымъ отъ всякихъ осложняющихъ примѣсей, которыя могли бы затруднить его усвоеніе. А вслѣдъ за этой доктриной уже кристаллизуются дальнѣйшія, болѣе сложныя, пытающіяся включить конкретную территорію, шире и глубже разработать методы національной самодѣятельности. Схема эта здѣсь и тамъ нарушается, конечно, неизбѣжными въ дѣйствительности уклоненіями; но всякій, кто мыслитъ исторически и не согласенъ вѣрить, будто партіи и программы нарождаются ни съ того ни съ сего, въ силу одной праздной воли злонамѣренныхъ людей, безъ всякой внутренней связи между собою и безъ корня въ почвѣ,—рано или поздно долженъ будетъ признать, что общая картина развитія еврейскаго рабочаго движенія есть картина постепеннаго и систематическаго сіонизированія.

И среди послѣдовательныхъ стадій этого процесса онъ съ особеннымъ вниманіемъ отмѣтитъ одну—ту, на которой совершилось первое обособленіе еврейскаго пролетаріата. Потому что выдѣленіе національныхъ силъ изъ «общаго дѣла» есть первый, предварительный этапъ, безъ котораго немыслима національная самодѣятельность; оно есть главная изъ главныхъ, основная изъ основныхъ предпосылокъ сіонизма. Конкретизація этой предпосылки вылилась въ форму Бунда.

Эта роль была сыграна Бундомъ исключительно въ силу вещей; ни воля тогдашнихъ носителей бундовскаго настроенія, ни воля тогдашнихъ носителей сіонизма не отразилась на этомъ событіи. И во всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого процесса главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не конкретный сіонизмъ, не наша партія: здѣсь сама за себя говорила сіонистическая *идея*, какъ единственный выводъ изъ еврейской дѣйствительности, какъ голосъ жизни и правды Точно также были здѣсь не при чемъ и дѣятели Бунда. Они искренно исчерпали противъ сіонизма всѣ средства словесной борьбы; но слова гибнутъ, а факты остаются. И эти факты гласятъ, что сіонизмъ проникъ въ еврейскую рабочую массу по дорогѣ, проложенной для него Бундомъ, и каждый этапъ въ развитіи Бунда заключался въ новой побѣдѣ сіонизма.

VII-5635

Приготовительный классъ при образцовомъ хедерѣ сіовизма— вотъ, если продолжать нашу педагогическую параллель, объективно-историческая роль Бунда въ еврейскомъ рабочемъ движеніи. Бундъ и сіонизмъ—это не два ростка изъ одного корня: это большой стволъ и одинъ изъ его побѣговъ. Это не два самостоятельныхъ теченія, эволюціонирующихъ по собственнымъ путямъ: подъ формами эволюціи Бунда объективно эволюціонировалъ въ сознаніи еврейскихъ рабочихъ массъ идеалъ сіонизма.

Когда будущій изслѣдователь напишетъ связную исторію сіонистическаго движенія, въ его трудѣ, быть можетъ, особенное вниманіе читателя привлечетъ одна глава. Она будетъ слѣдовать непосредственно за главами о палестинствѣ и ахадъ-гаамизмѣ; въ началѣ ея читатель встрѣтитъ повтореніе мыслей Пинскера, въ концѣ— первую прокламацію Поале-Ціонъ. Въ этой главѣ будетъ разсказанъ одинъ изъ эпизодовъ сіонизма, и она будетъ озаглавлена «Бундъ».

14195

Поступили въ продажу:

1) НОВѢЙШІЯ ТЕЧЕНІИ ВЪ ЕВРЕЙСТВѢ. (Judische Moderne) *д-ра Н. Бирнбаума* Цѣна 10 коп. (перес. 2 коп.)
2) ЧАРТЕРЪ И КОНЦЕССІИ, *д-ра Д. Пасманика*, Цѣна 10 коп. (перес. 2 коп.)
3) КРИТИКА ТЕОРІИ БУНДА, *д-ра Д. Пасманика*, Цѣна 10 коп. (перес. 2 коп.)
4) КРИТИКИ СІОНИЗМА 2-ое испр. и дополн. изд. *Вл. Жаботинскаго*, Цѣна 5 к.
5) ГОСУДАРСТВО и НАЦІЯ, *Рудольфа Шпрингера*, Цѣна 10 к. (перес. 2 к.)
6) КЛАССОВЫЕ МОМЕНТЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА, *Б. Борохова*, Цѣна 10 к.
7) СЕДЬМОЙ КОНГРЕССЪ. Отчетъ *Л. Яффе*, Цѣна 20 к. (пер. 4 к.)
8) НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ передъ судомъ Соціаль Демократовъ. Вступительная статья и перев. *д-ра Д. Пасманика*, Цѣна 12 к. (пер. 4 к.)
9) СКАЗАНІЕ О ПОГРОМѢ, *Х. Н. Бялика*. Переводъ и предисловіе Влад. Жаботинскаго, Цѣна 7 коп. (пересылка 2 коп.)
10) МАРКСИЗМЪ и ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ, *А. Идельсона*, Цѣна 5 к. (пер. 2 к.)
11) ФАКТОРЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ХАРАКТЕРА, *Альфреда Фулье*, Цѣна 10 коп.
12) ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ, *д-ра Д. Пасманика*, Цѣна 15 коп. (пересылка 4 коп.)
13) АХАДЪ-ГААМЪ и ЕГО ТЕОРІЯ (съ біографіей и портрет. Ахадъ-Гаама) *д-ра І. Клаузнера*, Цѣна 20 коп. (пересылка 4 коп.)
14) СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ КОЛОНИЗАЦІИ, *д-ра Ф. Оппенгеймера*, Цѣна 12 коп. (пересылка 4 коп.)
15) КОЛОНИЗАЦІЯ ПАЛЕСТИНЫ, *проф. О. Варбурга*, Цѣна 8 к. (перес. 2 коп.)
16) „БОЛЬШАЯ" и „МАЛАЯ" КОЛОНИЗАЦІЯ, *д-ра З. Соскина*, Цѣна 6 коп.
17) СРЕДИ ЕВРЕЙСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА, *д-ра С. Ландау*, Ц. 15 к. (распродано)
18) ДОКТОРЪ ГЕРЦЛЬ, *Влад. Жаботинскаго*, Цѣна 10 коп. (распродано)
19) ЕВРЕЙСКОЕ ВОСПИТАНІЕ, *его-же*, Цѣна 5 коп. (пересылка 2 коп.)
20) ЧУЖБИНА. (Двѣ рѣчи о погромахъ) *Вл. Жаботинскаго*, Цѣна 5 коп.
21) СІОНИЗМЪ и КОСМОПОЛИТИЗМЪ *д-ра Ф. Оппенгеймера*, Цѣна 5 коп.
22) БУНДЪ и СІОНИЗМЪ *Вл. Жаботинскаго* Цѣна 12 коп.
23) ВОЗМОЖНО ЛИ ЕВРЕЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТІЯ? *Зара* Цѣна 10 коп.

На разговорно еврейскомъ языкѣ.

1) VUN ZAAR UN ZORN *Х. Н. Бялика*, Цѣна 10 коп. (перес. 2 коп.)
2) LIBERIA, *Л. Паперна*, Цѣна 5 коп. (перес. 2 коп.)
3) MELUCHE UN NAZION, *А. Градовскаго*, Цѣна 5 коп. (перес. 2 коп.)
4) DER ZIONISM, *А. Идельсона*, Цѣна 5 коп. (перес. 2 коп.)
5) DIE KRITIKER VUN ZIONISM *В. Жаботинскаго* Цѣна 5 коп. (перес. 2 коп.
6) DI EKONOMISCHE LAGE FÜN DI JUDEN IN RUSSLAND *д-ра Д. Пасманика* Цѣна 15 к.
7) DI NATIONALE FRAGE FAR DEM GERICHT FUN DI SOCIAL-DEMOKRATEN *д-ра Д. Пасманика* Цѣна 15 коп.

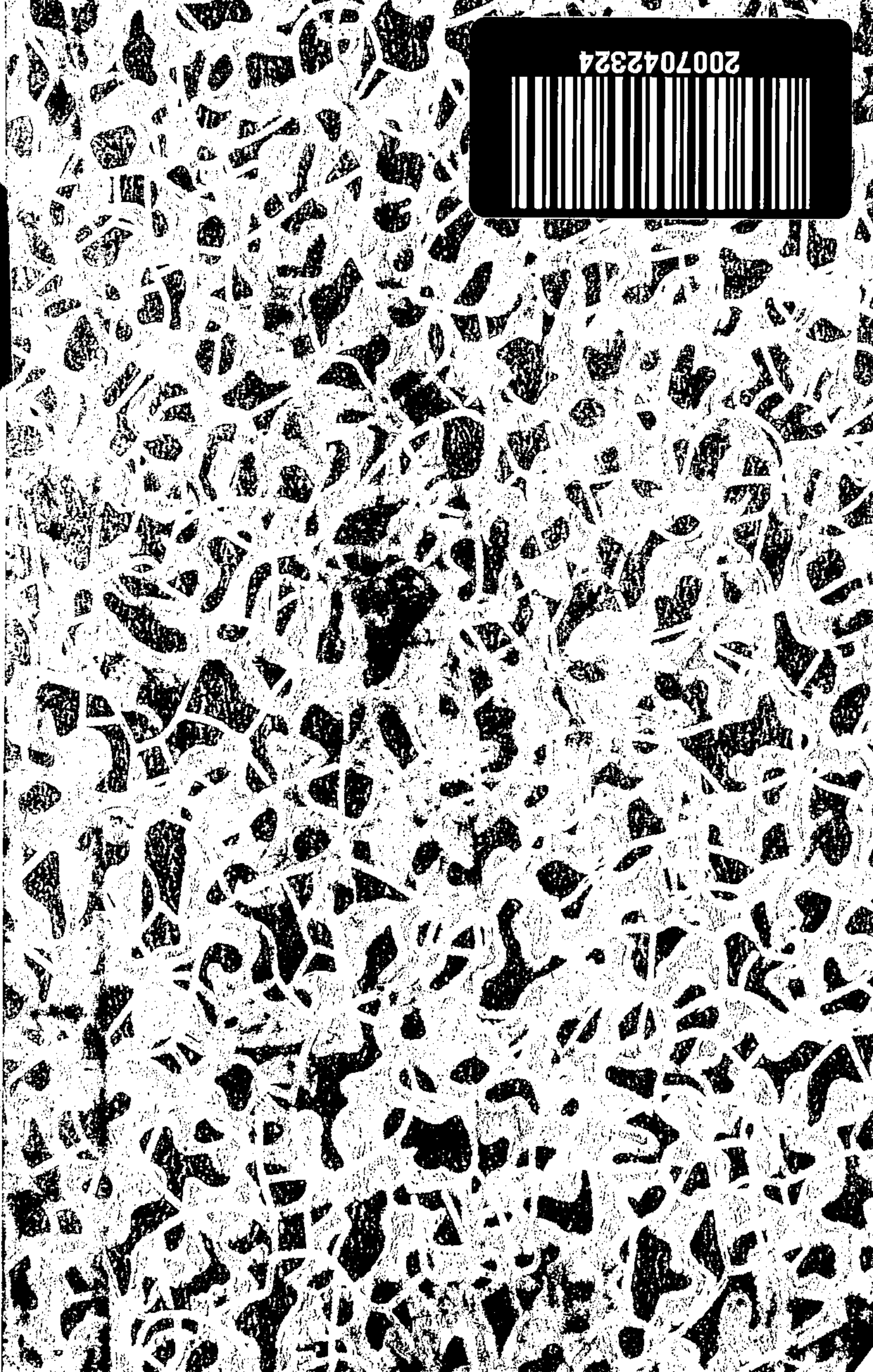
Складъ изданій: Издат. „Палестина"

1. Всѣ вышедшія книги и брошюры высылаются по первому требованію и при заказѣ не менѣе чѣмъ на 3 руб. наложеннымъ платежемъ безъ полученія задатка, при чемъ за пересылку не платятъ.

2. Заказы на сумму меньше 3-хъ рублей выполняются только по полученіи впередъ стоимости заказа (можно почтов. марками) съ прибавленіемъ денегъ за пересылку.

Адресъ: КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „КАДИМА" ВЪ ОДЕССѢ.

Adres: VERLAG „KADIMAH" ODESSA.



2007042324